

М. Л. АБРАМСОН

КРЕСТЬЯНСТВО В ВИЗАНТИЙСКИХ ОБЛАСТЯХ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ (IX—XI вв.)

Феодалные отношения в Южной Италии в IX—XI вв. находились еще на ранней стадии развития. Процесс становления феодализма, начавшийся в предшествующую эпоху, отнюдь не получил своего завершения в период византийского господства. При постановке проблемы формирования феодального способа производства мы должны руководствоваться указанием И. В. Сталина, что «внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»¹. Следовательно, в основе процесса феодализации лежит превращение собственности мелких производителей — свободных общинников — в феодальную собственность, создание монополии господствующего класса феодалов на землю.

Прежде всего необходимо исследовать вопрос, каким образом происходило развитие крестьянской общины и ее преобразование в высшую форму — марку, как возник в ходе этого развития аллод (свободно отчуждаемая собственность). Создание аллода было исходным пунктом в процессе обезземеления крестьянства и превращения собственности на землю — главное средство производства этой эпохи — в феодальную. Это приводит нас к новому вопросу — о путях утраты крестьянами их аллодальной собственности и ее присвоения представителями складывающегося класса феодалов.

Подчеркивая, что экономический базис каждой общественной формации состоит из совокупности производственных отношений людей, И. В. Сталин дает исчерпывающую характеристику производственных, экономических отношений. Он пишет: «Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающее из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов»². Итак, форма собственности обуславливает положение различных социальных групп, классов в производстве и их взаимоотношение; в частности, при феодальной формации господство феодальной собственности на землю с необходимостью

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

² Там же, стр. 73.

влечет за собой зависимость крестьян, лишившихся своих наделов и вынужденных стать держателями земли вотчинника. Наконец, распределение продуктов, полностью зависимое от формы собственности и положения классов, выражалось в присвоении феодалом ренты, представляющей собой экономическую реализацию его собственности на землю.

Определенное место в процессе роста феодальных отношений занимало внеэкономическое принуждение, так как оно способствовало упрочению экономической власти феодала над крестьянами, превращавшимися в зависимых или крепостных.

Значительное влияние на положение крестьянства и размеры феодальной ренты оказала классовая борьба между крестьянами, отстаивавшими свою свободу, сопротивлявшимися повышению повинностей, и феодалами.

Вопросы о крестьянской общине IX—X вв. и возникновении аллодиальной собственности, о свойственных византийским областям Южной Италии особенностях генезиса феодальной собственности и процесса втягивания в зависимость крестьян, о положении формирующихся прослоек крепостного и полусвободного крестьянства, о роли внеэкономического принуждения и о борьбе между эксплуатируемыми крестьянами и феодалами составляют предмет данной статьи. Эти проблемы почти не затронуты буржуазной историографией. Мы рассматриваем конкретный ход общественного развития не только Апулии и Калабрии, но также областей Неаполя и Гаэты, менее тесно связанных с Византией, чем итальянские фемы, но, тем не менее, весьма сходных с ними по своему развитию.

Хронологическими рамками статьи является так называемый византийский период в истории Южной Италии, который охватывает конец IX, X и первую половину XI вв. Утверждение Византии в Бари было исходным моментом в обратном отвоевании Апулии у сарацин и лангобардов, Калабрии — у сарацин, окончательно изгнанных из Италии в результате битвы при Гарильяно (915 г.). Административная организация южно-итальянских владений была оформлена при Льве VI: около 892 г. была создана фема Лангобардия (Апулия, южная Лукания и Терра д'Отранто), а в 902 г. — фема Калабрия, являвшаяся до этого времени дукатом фемы Сицилия, фактически не существовавшей. Около 965 г. обе фемы были объединены Никифором Фокой в фему «Италия», с центром в Бари. На границе этих областей, непосредственно подчиненных императору, находилась обширная полоса не принадлежавших ни Византии, ни лангобардским князьям земель, где одновременно находились гастальды и византийские должностные лица. Герцогства Неаполь, Гаэта и Амальфи, сохраняя фактически независимость, все же находились под влиянием Византии и поддерживали с ней связь. Проникновение в Южную Италию в начале XI в. (с 1017 г.) норманнских дружин и постепенное завоевание ее норманнами положили конец византийскому периоду. В 1071 г. пал последний опорный пункт Византии — Бари¹.

К использованным в данной статье источникам относятся в первую очередь картулярии и аналогичные сборники, состоящие из дарственных грамот, актов о поземельных сделках, ливеллярных договоров, актов о разделе семейной собственности, судебных решений по различного рода тяжбам (главным образом — спорам о земле), завещаний, брачных контрактов и т. п. Большую ценность представляет обширное собрание грамот Неаполитанского государственного архива, первые четыре тома которого (391 грамота) охватывают период IX—первой половины XI в.²

¹ Подробное изложение политической истории периода 867—1071 гг., см. J. Gay. *L'Italie méridionale et l'Empire byzantin*. Paris, 1904.

² *Regii Neapolitani archivi monumenta*, vol. I—IV, Neapoli, 1849—1854.

В этих томах, в частности, содержится значительное количество договоров об аренде феодального типа. Этим же временем датировано около 200 грамот герцогства Гаэты¹. Частично нами привлечен также материал соседней — Салернитанской области, собранный в восьмитомном издании документов из архива аббатства Кава². Весьма интересны изданные Ф. Тринкерой греческие грамоты (главным образом — калабрийские и апулийские)³, которые содержат материал, характеризующий как аграрные отношения, так и политику византийских императоров и их должностных лиц в Южной Италии. Важными источниками по интересующим нас проблемам являются апулийские картулярии: монастыря св. Бенедикта в Конверсано⁴, кафедральной церкви Бари⁵ и церкви св. Николая в Бари⁶, церкви Барлетты⁷ и Терлицци⁸, хотя византийский период представлен в них сравнительно небольшим количеством грамот. К источникам этого типа примыкает хроника монастыря Волтурно, составленная монахом Иоанном⁹. В эту хронику включены многочисленные привилегии, предоставленные монастырю герцогами и императорами, решения по судебным искам, заключенные монастырем ливеллярные договоры, дарственные грамоты и завещания в пользу монастыря. Хроника дает яркое представление о положении отдельных категорий крестьянства в вотчине Волтурно и о напряженной борьбе крестьян с монастырем. Поскольку монастырь св. Виценция (Волтурно) и монастырь св. Бенедикта в Монте-Кассино, расположенные вне византийской области, обладали обширными владениями в итальянских фемах и были связаны с Византией (они находились даже под особым покровительством императоров), использование источников, освещающих историю этих крупнейших вотчин южной Италии, является вполне правомерным.

Отдельные сведения по исследуемым проблемам содержатся в кратких хрониках Бари¹⁰, Лупа Протоспафария¹¹, Монте-Кассино¹², хронике проложателя Феофана¹³ и в житиях святых, в особенности Нила Младшего из Россано¹⁴.

* * *

Основной производственной ячейкой общества исследуемого периода была крестьянская община, претерпевшая к этому времени значительную эволюцию. Наделы крестьян уже не являлись более коллективной, периодически переделяемой собственностью. В грамотах IX—XI вв. нет никаких указаний на происходящие время от времени, хотя бы нерегулярно,

¹ Codex diplomaticus Caietanus, vol. I—II. Monte Cassino, 1888—1891.

² Codex diplomaticus Cavensis, vol. I—VIII. Neapoli, 1873—1893.

³ F. Trinchera. Syllabus graecarum membranarum. Neapoli, 1865.

⁴ Chartularium Supersanense, vol. I, ed. Morea, Monte-Cassino, 1893.

⁵ Codice diplomatico Barese, vol. I. Le pergamene del duomo di Bari. Bari, 1897 (Далее сокращенно: Bari).

⁶ Codice diplomatico Barese, vol. IV. Le pergamene di S. Nicola di Bari. Periodo greco (939—1071). Bari, 1900. Мы использовали также отдельные акты из Codice diplomatico Barese, vol. V. Le pergamene di S. Nicola di Bari. Periodo normanno (1075—1194). Bari, 1902.

⁷ Codice diplomatico Barese, vol. VIII. Le pergamene di Barletta. Bari, 1914.

⁸ Codice diplomatico Barese, vol. III. Le pergamene della Cattedrale di Terlizzi. Bari, 1899.

⁹ Chronicon Vulturense, auctore Johanne monacho monasterii S. Vincentii, ed A. L. Muratori. Rerum Italicarum Scriptores, t. I, pars II.

¹⁰ Annales Barenses. MGH, SS, t. V.

¹¹ Lupus Protospatarius. Chronicon. MGH, SS, t. V.

¹² Chronicon monasterii Cassinensis. MGH, SS, t. VII.

¹³ Theophanes Continuatus, ed. Bekker. Bonn, 1838.

¹⁴ Vita S. Nili junioris, Migne, PG, t. CXX.

переделы земли. В тяжбах по поводу отдельных участков основным аргументом в пользу законности владения спорным земельным наделом является показание относительно срока давности владения¹. Многочисленные акты отчуждения земли отмечают, что продавец или даритель унаследовал землю от отца (иногда — от матери или от деда). Самое обилие земельных сделок, значительная часть которых, несомненно, совершалась крестьянами, свидетельствует о превращении наделов крестьян в аллод. При описании границ участков — неизменной составной части всех грамот о поземельных сделках — постоянно встречается упоминание об изгородях или стенах (*parietes, maceria*), насыпях и рвах (*valla, fossata*). Изгородями обносились не только виноградники и сады, но нередко и пашня. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии не только переделов, но и системы открытых полей, несовместимой с наличием оград. Система открытых полей была невозможна также вследствие присущей Южной Италии особенности: пашня зачастую перемежалась с виноградниками, оливковыми рощами, садами, занимавшими столь большое место в крестьянском хозяйстве.

Важную роль в хозяйстве деревни играли общинные угодья — леса, луга, пустоши, реки, водоемы. В грамоте 1025 г., составленной жителями деревни Ноа, фигурирует «лесистая земля нашего сообщества» (*terra silvosa de nostra fraternitate*)². В несколько более поздней грамоте той же области говорится об оливковой роще, принадлежащей сообществу деревни Вульпеклано (*qui sunt de fraternitate de ipsi vulpeccla nisi*)³. Иногда упоминается общинный рыбный садок (*piscinia communale*)⁴, общинный колодец⁵. Некоторые грамоты отмечают наличие общинных земель, не уточняя, какого рода угодьями они являются. В актах часто встречаются указания на землю «людей» такой-то деревни⁶. Вероятно, здесь идет речь об общинных угодьях, а не о крестьянских наделах, так как перечень последних никогда не опускается составителем акта в целях краткости; в тех же грамотах (как и во всех остальных) имеются точные указания относительно многочисленных наделов и имен их владельцев. При продаже земля передавалась в руки покупателя «*cum curtis et hortilibus, vineis, territoriis, aquis, cisternis puteis, campis, silvis, pratis, olivetis, arboribus fructiferis atque infructiferis, clausis vel inclausis, cultum vel incultum, cum viis et anditis suis*». Эта обычная, мало видоизменяющаяся формула означала приобретение покупателем не только данного владения, но и права пользования общинными угодьями деревни, на территории которой владение было расположено.

Сельская община выступала как определенная организация при решении своих внутренних дел, а равным образом — в своих взаимоотношениях с внешним миром, прежде всего — в борьбе с крупными землевладельцами, стремившимися узурпировать ее права и земли. В спорах о границах и при решении другого рода тяжб из-за земли арбитрами являлись «добрые люди» данной деревни, несомненно принадлежавшие к числу наиболее зажиточных крестьян. Во время конфликта между монастырем Волтурно и зависимыми от него крестьянами судьи привлекали в качестве свидетелей «добрых и правдивых людей» соседних деревень⁷. В общине

¹ Neap. arch., I, № 34, p. 120—124; № 38, p. 138—140.

² Perg. di S. Nicola, № 16, p. 32—34.

³ Ibid., № 20, p. 40—42.

⁴ Neap. arch., I, № 6, p. 24—27.

⁵ Ibid., II, № 78, p. 57—58.

⁶ Ibid., № 21, p. 75—77; № 25, p. 88—90; № 43, p. 154—156; II, № 55, p. 10—11; № 61, p. 23—24; № 82, p. 65—67; № 91, p. 86—87.

⁷ Chron. Vult., p. 399. Ср. «старые люди» деревни — Cava, III, № 522, p. 89—90.

имелись судьи, нотариусы и другие должностные лица, принимавшие активное участие в борьбе общины с вотчинником¹. Иногда они назначались сеньером из числа членов общин и по их «совету»². Повидимому, община решительно сопротивлялась назначению посторонних лиц. Должностные лица общины являлись ее представителями во время тяжб, затрагивающих интересы общины; в некоторых случаях все общинники совместно выступали на суде³.

Возникает важный вопрос, является ли крестьянская община IX—XI вв. домашней, большесемейной общиной (точнее, состоящей из нескольких населявших деревню больших семей) или соседской.

В некоторых актах хроники Волтурно, относящихся к более раннему периоду, встречаются упоминания о кондоме (*condoma*). Перечисление состава кондом не оставляет никаких сомнений в их характере: в них входят главы семьи «со своими братьями, а также племянниками, женами, невестками, сыновьями и дочерьми». Таким образом, эти большие семьи охватывают родственников трех поколений. Каждая из них занимает часть сравнительно небольшой деревни. Кондома представляет собой устойчивое единство, и даже кондомы, находящиеся уже под властью феодала, всегда отчуждаются целиком, вместе со своими «домами, виноградниками, территориями, пахотными полями, лугами, лесами, болотами», со всем движимым и недвижимым имуществом⁴. Следовательно, в VIII в., по крайней мере, на территории, где имелось много лангобардских поселений, большая семья еще сохранилась.

В IX—X вв. южно-итальянская община достигает следующего, более высокого этапа своего развития: она полностью превращается в соседскую. Обширный материал источников свидетельствует о том, что именно в византийский период интенсивно происходил распад большой семьи. Об этом говорят сохранившиеся в очень значительном количестве хартии раздела общего имущества между родственниками; разделу подвергались пахотные земли, виноградники, оливковые рощи, дома с дворами, пустоши, а иногда и все имущество в совокупности. Субъектами раздела обычно являются братья, дядя с племянниками или двоюродные братья⁵. Раздел происходит следующим образом: при наличии двух владельцев один из них проводит новую границу с севера на юг или с запада на восток, разделяющую участок, сад и пр. на две равные доли, из которых второй участник выбирает любую по своему усмотрению, затем совершается формальная передача каждым участником раздела своему бывшему совладельцу причитающейся ему доли⁶. Раздел недвижимости на равные части производился с большой точностью, и новые границы подробно описывались в грамотах, во избежание возможных споров. В том случае, когда разделу подлежал ряд участков, нередко каждый из них дробился, для того чтобы выделившиеся индивидуальные владельцы получили поля, виноградники и сады одинакового качества⁷. Если всем участникам предоставлялись целиком дома и отдельные участки, с целью уравнивания раздела некоторые родственники могли получить дополнительно небольшие участки или часть тех фруктовых деревьев, которые были выделены их

¹ Cod. Caiet., I, № 171, p. 340—342.

² Ibid., II, № 213, p. 37—39; № 253, p. 124—126.

³ Ibid., I, № 39, p. 66—67.

⁴ Chron. Vult., p. 363, 374, 394.

⁵ См. напр. Perg. di S. Nicola, № 16, p. 22—24; № 28, p. 59—60; Cava, III, № 515, p. 79—80.

⁶ Bari, № 17, p. 29—31 и др.

⁷ См. напр. раздел 7 виноградников. Terlizzi, № 28, p. 44—45.

бывшим совладельцам¹, а иногда — определенную сумму денег². Разделам подвергалась в этот период семейная собственность не только крестьян — членов домово́й общины, но и знатных лиц, в среде которых долго сохранялись пережитки родовых связей.

Но и после раздела не прекращалась полностью экономическая связь между родственниками, ликвидировавшими свое совместное владение. В некоторых грамотах встречается обязательство лиц, разделивших свою недвижимость, возместить ущерб тому из участников раздела, который лишится своей доли³. Иногда бывшие совладельцы указывают: «если мы сможем что-либо приобрести в другом месте, мы должны разделить (приобретенное) поровну между собой»⁴. В Южной Италии существовало право предпочтительной покупки «по справедливой цене» земли, принадлежавшей остальным участникам раздела⁵. Повидимому, в этих областях сказало влияние распространенного в Византии и отраженного в законодательстве X в. права предпочтения — *protimissis*. Это влияние, возможное вследствие наличия многих сходных черт в развитии Византии и Южной Италии X в., а также благодаря переселению в Италию греческими колонистов и стратиготов, проявилось, в частности, в восприятии жителями Апулии греческого термина: в грамотах появилось выражение *protimissi, ius protimissi*, обычно имеющее то же значение, что и в Византии⁶. По той же причине в области Неаполя и Гаэты был прочно воспринят греческий термин *μερισμός* — раздел (имевший в Византии более широкое значение, чем в этих областях)⁷: разделы общей собственности называются в грамотах *divisiones per merissi*⁸.

Нередко разделу подвергалась не вся недвижимость: после произведенного раздела отдельные объекты оставались в совместном владении родственников, которых источники часто называют *sortifices*. Обычно общей собственностью остаются дорога, часть реки, роща, болота, луг⁹, но иногда — сад или отдельные фруктовые деревья, виноградник и даже пахотная земля¹⁰. Возможно, что сохранившаяся семейная собственность имеется в виду грамотами, упоминающими «*terre nostre et sortifices nostri*»¹¹. Нераздельное имущество родственников иногда совместно продается ими¹². Весьма своеобразные, типичные лишь для этого периода отношения создаются при отчуждении одним из совладельцев его части неподделанной земли (*terra, quod indivisa reiacet*)¹³. Таким образом, возникает совместная

¹ Perg. di S. Nicola, № 2, p. 5—6.

² Ibid., № 34, p. 61—74; Cava, III, № 532, p. 102—105.

³ Neap. arch., I, № 8, p. 31—32; Cava, III, № 515, p. 79—80.

⁴ Neap. arch., II, № 84, p. 68—70; то же условие Bari, № 22, p. 38—39.

⁵ Cava, III, № 465, p. 8—10.

⁶ Terlizzi, № 49, p. 67; № 84, p. 106—107 и др.; в грамоте 1047 г., составленной в Бари, *protimissi* означает преимущественное право одного из братьев выбрать себе долю во время раздела. Perg. di S. Nicola, № 33, p. 69—71.

⁷ О *μερισμός* в Византии см. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 195, стр. 80 сл.

⁸ Neap. arch., I, № 8, p. 31—32; № 16, p. 55—59; II, № 85, p. 74—75; Cod. Caiet., I, № 108, p. 205—207; № 161, p. 317—319.

⁹ Cava, III, № 532, p. 102—105; Cod. Caiet., I, № 68, p. 125—126.

¹⁰ Perg. di S. Nicola, № 2, p. 5—6; № 16, p. 32—34; № 20, p. 40—42; Neap. arch., II, № 84, p. 68—70; Barletta, № 11, p. 27—28; Terlizzi, № 11, p. 20—21.

¹¹ Barletta, № 22, p. 42—43; № 27, p. 49—50; № 29, p. 51—52; № 32, p. 55; Cava, III, № 468, p. 13—14; Cod. Caiet., I, № 86, p. 158—159.

¹² Cava, III, № 493, p. 48—49 — 6 человек продают землю, доставшуюся им от деда; Neap. arch., II, № 77, p. 54—56 — продажа 11 родственниками участка земли с оливодами монастырю св. Сергия и Вакха.

¹³ Neap. arch., I, № 19, p. 70—72; № 46, p. 166—168; II, № 57, p. 15—16; № 75, p. 50—51; № 79, p. 59—60; № 92, p. 88—89; Cod. Caiet., I, № 114, p. 217—219; № 142, p. 273—274.

собственность не-родственников¹, зачастую не-односельчан. Последующая ликвидация такой общей собственности неминуема и является лишь вопросом времени. Она происходит обычно посредством скупки одним из родственников (самым могущественным в экономическом отношении) долей остальных совладельцев² или путем выделения приобретенной доли из общей собственности³.

Непрочность частной собственности в первое время после того, как она выкристаллизовалась из владений большой семьи, обусловила стремление аллодистов усиленно охранять эту собственность. Именно в период распада домовой общины принадлежавшие ранее к ней мелкие землевладельцы имеют серьезные основания опасаться частых нарушений только что установившихся границ со стороны соседей. Поэтому особое внимание уделяется постройке изгородей. Иногда при разделе стороны договариваются о совместной постройке стены, которая разделит двор пополам⁴. В грамотах мы часто находим указание на право лица, купившего или получившего в дар участок, присоединить его к своему окруженному изгородями или стенами владению (расположенному рядом) и перенести для этого изгородь на новое место⁵. Так, Маральд, продавая клирику Пиперу часть своего сада, разрешает покупателю воспользоваться каменной стеной небольшого дома, разобрать ее и возвести из этих камней новую стену между их наделами. «И будет эта стена твоей собственностью... и ты заключишь (в нее) участок земли, который я тебе продал, вместе с твоим садом»⁶. Иногда стена остается в собственности продавца, который сохраняет право разобрать ее и использовать камни для другой постройки⁷. Лица, стремившиеся захватить часть соседнего огороженного участка (*clausuria, egriptus*), в некоторых случаях ломали стену или изгородь и переносили ее на некоторое расстояние вглубь земли соседа⁸. В норманнскую эпоху, когда разделы почти полностью прекратились, источники уделяют значительно меньше внимания вопросу об оградах, хотя последние, разумеется, продолжали существовать. Любопытно, что самый термин «доля» — *sors, portio*, — часто встречающийся в сделках с недвижимостью в документах византийского периода и отчетливо свидетельствующий о том, что данный земельный участок незадолго до этого выделен из семейной собственности, постепенно исчезает и почти не встречается в более поздних грамотах.

Сохранение определенных прав родственников на землю, находившуюся ранее в общей собственности, наличие некоторых неподеленных угодий, в том числе пашни, не исчерпывают специфических черт общины этого переходного периода. В отличие от более раннего времени⁹ в IX—X вв. в лангобардских областях название «кондома» обычно относится к крестьянским семьям, состоящим из мужа, жены и одного или нескольких детей¹⁰. Эволюция термина «кондома» свидетельствует о постепенном

¹ Terlizzi, № 10, p. 18—19; № 12, p. 21—22; № 15, p. 25—26; F. Trinchera, № 43, p. 55—57; Chart. Cup., № 55, p. 121—123.

² Neap. arch., I, № 20, p. 73—74.

³ Barletta, № 16, p. 34—35.

⁴ Perg. di S. Nicola, № 31, p. 64—66.

⁵ F. Trinchera, № 34, p. 41—42; Perg. di S. Nicola, № 10, p. 20—21; Chart. Cup., № 52, p. 116—117.

⁶ Bari, № 19, p. 32—34.

⁷ Ibid., № 16, p. 27—29.

⁸ Perg. di S. Nicola. Periodo normanno, № 26, p. 45—46.

⁹ См. выше, стр. 170.

¹⁰ Chron. Vult., p. 392. В византийских областях термин «кондома» вообще не встречается в источниках этого периода.

исчезновении большой семьи, но в некоторых южно-итальянских грамотах IX—X вв. еще выступает большая семья, включающая жен сыновей и племянников¹. Далее, в итальянских феодах, возможно, имело место расселение — наряду с лангобардскими общинами — коллективов иного рода, сохраняющих родственные связи. Известно, что в Южную Италию было, по приказанию Льва VI, поселено в качестве колонистов 3 тыс. освобожденных рабов вдовы Даниэлис². Вероятно, аналогичные переселения, не отразившиеся в источниках, производились не один раз (главным образом — в Калабрию). В грамотах часто фигурируют землевладельцы, нередко, очевидно, мелкие, носившие греческие имена (иногда они прямо названы греками³ или армянами⁴). В некоторых хартиях, выданных византийскими должностными лицами, гарантируется охрана монастырей от «греков и лангобардов», «от армян, греков и лангобардов»⁵. В южной Италии поселялись отправленные сюда из Византии стратегиоты⁶. Сохранившиеся у колонистов элементы родовых отношений, вероятно, были перенесены на новую почву. Такие же пережитки были свойственны местным общинам.

Родственники продолжают играть большую роль в жизни общинника. Они участвуют в различных юридических процедурах, например, в передаче участнику раздела его доли, и являются иногда в дальнейшем поручителями соблюдения данного акта⁷. В судебных процессах истец или ответчик выступает нередко не только от своего имени, но и от лица всех своих сородичей и совладельцев (*sortifices, parentes, consortes*)⁸. Родственники являются соприсяжниками; так, 12 родичей истца приносят клятву на евангелии, подтверждая право истца на спорный участок земли⁹. Лица, продавшие недвижимость, обещают ее новому владельцу защищать приобретенное им имущество прежде всего от притязаний «всех наших родичей и соседей» (*de omnes nostros parentes et confiniales*)¹⁰ или же обязуются, от имени всех своих родственников, охранять переданный участок¹¹.

Пережитком родовых отношений является сохранившийся в Южной Италии обычай родовой мести. Автор жития св. Нила Младшего останавливается на следующем эпизоде: Нил предложил графине Капуи, в качестве наказания за совершенное ее сыновьями убийство графа, отдать одного из сыновей в руки родственников убитого, «чтобы они сделали с ним все, что захотят». Графиня ответила, что она не может этого сделать, так как боится, что они убьют ее сына¹². Иногда, в случае бегства убийцы, его родственники передавались вместо него родне убитого. В житии Нила рассказывается о том, как некий юноша убил в Бизиньяно (Калабрия) проезжавшего с товарами купца. Так как убийце удалось

¹ Neap. arch., I, № 37, p. 131—157; № 39, p. 142—145; II, № 189, p. 19—21.

² Theoph. Cont., p. 321.

³ Terlizzi, № 5, p. 10—12; № 10, p. 18—19; № 12, p. 21—22; Bari, № 18, p. 31—32; Neap. arch., II, № 59, p. 19—20, № 52, p. 19—20 и др.

⁴ См. напр.: Perg. di S. Nicola, № 4, p. 8—10.

⁵ F. Trinchera, № 3, p. 2—3; Chron. Vult., p. 413.

⁶ См. J. Gay, Op. cit., p. 567.

⁷ См. напр., Terlizzi, № 3, p. 7—8.

⁸ Cava, III, № 485, p. 38—39; Barletta, № 9, p. 23—24; Cod. Caiet., I, № 80, p. 148—149; № 132, p. 254—255.

⁹ Terlizzi, № I, p. 3—4.

¹⁰ Bari, № 8, p. 14—15; № 11, p. 19—20; № 16, p. 27—29; Perg. di S. Nicola, № 30, p. 62—64 и др.

¹¹ Neap. arch., I, № 8, p. 31—32.

¹² PG, t. CXX, col. 135.

скрыться с добычей, то судьи передали родственникам погибшего его тества, с правом умертвить его¹.

Следовательно, можно констатировать окончательное оформление в исследуемую эпоху соседской общины — марки, в которой «пахотная земля является частной собственностью земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще общей собственностью...»² Но марке, находящейся на стадии своего формирования, еще присущи некоторые черты, характерные для земледельческой общины предшествующего периода, состоявшей из нескольких больших семей. К ним относятся: частичное сохранение семейной собственности, значительная роль родственников в жизни общинника, наличие у них некоторых прав на выделенный индивидуальный надел. Эти черты постепенно сглаживаются и уже не находят отражения в источниках норманнского периода. Марка утвердилась, и аллодиальная собственность на пахотную землю получила окончательную кристаллизацию.

Одновременно с этим протекал другой процесс: первоначально свободная община постепенно превращалась в крепостную. Феодал мог подчинить своей власти марку путем постепенного проникновения на ее территорию, скупая у общинников их наделы, в том числе и долю в семейной собственности. Он мог предоставить землю целой группе пришлых лиц, попадающих в зависимость от него, и т. д. Но в любом случае марка сохраняла свою организацию и свои общинные институты и лишь превращалась в марку феодально-зависимых крестьян.

* * *

Важнейшей проблемой становления феодального строя является вопрос о том, как возникла «собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного...»³ Рассмотрим, как происходил данный процесс и какие формы крестьянской зависимости возникали в византийскую эпоху.

Источником образования класса крепостного и зависимого крестьянства были как рабы, так и свободные крестьяне-аллодисты. Рабство имело еще довольно широкое распространение. Домашние рабы и рабыни (*servi et ancillae, famuli, mancipia*) были составной частью имущества, передававшегося по наследству зажиточными лицами⁴. Во многих брачных договорах фигурирует получаемая невестой «незамужняя хорошая рабыня из рода рабов, юного возраста, со здоровыми членами и без какой-либо болезни, способная выполнять любую службу»⁵. Рабы продавались, обменивались или уступались другим лицам во временное пользование⁶. Многие рабы были дворовыми и исполняли различные работы в поместье; к ним относятся, в частности, рабы — пастухи, пасущие свиней, коров, волов⁷. В IX—X вв. в Южной Италии интенсивно шел процесс превращения рабов в крепостных крестьян: «... феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает

¹ Vita S. Nili. Migne. PG, t. CXXX, col. 71.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 693.

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., Госполитиздат, 1952, стр. 595.

⁴ Cod. Caiet., I, № 52, p. 87—98; № 143, p. 274—282 и др.

⁵ Barletta, № 24, p. 45; Perg. di S. Nicola, № 18, p. 36—38; № 36, p. 75—77.

⁶ Perg. di S. Nicola. Periodo normanno, № 66, p. 114—115; Cod. Caiet., I, № 60, p. 112—114; Cava, III, № 463, p. 6—7; Perg. di S. Nicola, Framm. 2, p. 98—99.

⁷ Cod. Caiet., I, № 19, p. 31—37; № 52, p. 87—98.

иметь дело с крепостным, у которого есть своё хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая»¹.

Часть рабов получала освобождение путем формального акта. Раб, который отпускался на волю по римскому праву, признавался «римским гражданином» (πολίτης Ῥωμαίου)². Но гораздо чаще освобожденные рабы оставались в зависимости от своего бывшего господина. Крупный землевладелец Григорий, сын префектура Лва из Гаэты, делая в своем завещании распоряжение относительно освобождения ряда рабов, указывает, что каждый из них останется под защитой одного из сыновей Григория и ежегодно на рождество будет давать своему патрону пару цыплят (в знак признания своей зависимости). Далее Григорий пишет: «Приказываю, чтобы они не осмеливались жениться на рабыне или выйти замуж за раба или же подчиниться игу рабства; и если кто-нибудь из них совершит это, он должен будет стать рабом моих сыновей и их наследников»³. Таким образом, Григорий стремится заранее предотвратить возможность перехода отпущенных на волю рабов под власть других лиц, что уничтожило бы их зависимость от наследников завещателя. Освобожденные рабы — ливерты (liverti) иногда после смерти патрона отдавались под защиту какого-либо другого влиятельного человека, который обязывался выступать в качестве ответчика во всех исках, предъявленных ливерту⁴. Возможен был новый акт, дарующий такому подзащитному полную свободу. Лев, сын Иоанна Караччия, по завещанию передал своему клиенту (clientulus) Иоанну 3 модия земли и предоставил ему право после смерти жены Лва, которой клиент должен нести службу, «отправиться свободным от всякого ига рабства на все четыре стороны, куда он захочет идти»⁵.

Большей частью отпущенные на волю рабы получали в держание надел земли у своего прежнего владельца или же поселялись на земле другого феодала. Герцог Гаэты Доцибилис, освобождая рабов, дает Фирмипертулу 10 солидов, 2 пары быков и земельный надел, Петрулу — обнесенный стенами участок земли и виноградники, Павлу — земельный надел, лошадь и вола и т. д.⁶ Вполне вероятным является предположение, что эти лица уже ранее превратились в посаженных на землю крестьян, располагавших рабочим скотом. Пока они оставались на положении рабов, все их движимое имущество, в том числе и скот, являлось пекулием и считалось собственностью господина, поэтому понадобился формальный акт, признававший за ними скот и землю, которую они обрабатывали. Верховную собственность на землю, очевидно, сохранял бывший владелец рабов. Иногда землевладелец особым актом передает надел своему бывшему рабу⁷. В дарственной грамоте монастырю Волтурно даритель Майо предусматривает возможность, что он освободит часть своих рабов и даст им землю около деревни⁸. Участие некоторых ливертов в земельных сделках говорит о том, что они могли иметь не только держание, но и аллодиальную собственность⁹.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1952, стр. 595.

² Perg. di S. Nicola. Periodo normanno, № 46, p. 92—94.

³ Cod. Caiet., I, № 143, p. 274—282. См. также F. Trinchera, App. I, № 2, p. 513.

⁴ Terlizzi, № 20, p. 35—36.

⁵ Cod. Caiet., II, № 234, p. 83—85.

⁶ Ibid., I, № 19, p. 36—37.

⁷ F. Trinchera, № 24, p. 26—27.

⁸ Chron. Vult., p. 379. Cp. Cava, I, № 201, p. 259—260.

⁹ Terlizzi, № 29, p. 45—46; Neap. arch., II, № 129, p. 168—169.

Несравненно большее значение, нежели оседание освобожденных рабов на землю, имело массовое поселение в деревнях рабов, не отпущенных на волю, но фактически превращающихся постепенно в крепостных крестьян.

Крепостные Южной Италии сохранили название сервов (или *famuli*). Впрочем, это не означало, что все сервы происходили из рабов. В ряде случаев крупный феодал обращал в крепостных свободное или полусвободное население своей вотчины¹. Сервы были наделены землей, собственность на которую принадлежала феодалу, и прикреплены к ней. «В средние века не освобождение (*exprogration*) народа от земли, а, напротив, прикрепление (*arrogation*) его к земле было источником феодальной эксплуатации»². Эта эксплуатация осуществлялась в форме взимания вотчинником с крестьян ренты, являвшейся неотъемлемым следствием феодальной собственности. Из трех форм феодальной ренты преобладающей была в этот период натуральная: барщина не получила в Южной Италии значительного развития и составляла обычно несколько дней или неделю в году³, а денежная рента, хотя и играла определенную роль, но еще не могла получить перевеса над рентой продуктами. Земля, к которой были прикреплены сервы, находилась в их наследственном пользовании, что иногда особо отмечается актами⁴. В отдельных случаях сами сервы, с согласия своего сеньера, могли продать часть своего держания, при обязательном условии несения повинностей за эти участки их новыми держателями. 24 крепостных четырех соседних деревень продают с согласия сеньера—епископа Формиано — 15 небольших участков земли (каждый размером в один или несколько модиев) зажиточному жителю близлежащей деревни, который должен будет попрежнему платить чинш⁵. Личная зависимость сервов была важным фактором, влияющим на их положение, в частности, бесспорно на размер ренты. Поэтому понятна ожесточенная борьба сервов за то, чтобы вотчинник признал их свободными людьми⁶. Изредка зажиточным сервам (а таковых было, вероятно, немного) удавалось откупиться и освободить свою семью и свое потомство, отдав в качестве выкупа значительную сумму денег. Так, семья сервов епископа Гаэты приходит к соглашению с ним и платит за свое освобождение 1 фунт золота⁷. В виде особой привилегии Петр и Стефан, сыновья серва Тразара, получают разрешение жениться на свободных женщинах и выдавать замуж своих дочерей за свободных. Подчеркивается, что Петр и Стефан попрежнему должны нести все повинности монастырю. Следовательно, свободу получают лишь их потомки по женской линии, которые выйдут замуж за свободных. Однако, и эта привилегия еще более

¹ См. *Chron. Vult.*, p. 398—399, 396—397 и др., где идет речь о тяжбах монастыря Волтурно с сервами, заявляющими, что они свободные люди. Вероятно, они действительно были ранее свободными и подверглись закрепощению.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сб. «Об Англии». М. 1952, стр. 10.

³ Например, в составленном в 872 г. списке сервов монастыря Волтурно указывается, что некоторые из них должны нести барщину 12 дней в год — *Chron. Vult.*, p. 398. Иногда уже в этот период повинности сервов подвергались фиксации. В полученной двумя сервами монастыря св. Сергия и Вакха привилегии их барщина и чинш называются «обычаем», т. е. регулируются обычаем данной местности. *Near. arch.*, II, № 169, p. 254—255.

⁴ *Cod. Caiet.*, I, № 1, p. 11—12; № 7, p. 12—13. При отчуждении сервов вместе с ними передаются и их наделы. См., например, пожертвование монастырю земель вместе с сидящими на них сервами. *Chron. Vult.*, p. 372—373, p. 375, 376, 378.

⁵ *Cod. Caiet.*, I, № 52, p. 87—98 и др. *Sp. Sava*, I, № 67, p. 88—89.

⁶ *Ibid.*, I, № 8, p. 13—16.

⁷ См. ниже, стр. 192—195.

⁸ *Cod. Caiet.*, I, № 100, p. 188—191.

ограничивается: в том случае, если вымрет мужское потомство Петра и Стефана (что лишило бы монастырь сервов и ренты), одна из освободившихся дочерей Петра или Стефана и ее наследники будут нести повинности за эту землю, держателями которой были умершие сервы¹. В Южной Италии свободные женщины, вышедшие замуж за крепостных, теряли при этом свою свободу. В грамоте середины X в., содержащей описание владений кафедральной церкви Салерно, указаны «все сервы, принадлежащие епископству, вместе с их женами, свободными женщинами, которых они взяли или возьмут впредь»².

В средние века «Наряду с феодальной собственностью существует единосличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на своё частное хозяйство, основанная на личном труде»³. Крепостные крестьяне имели право распоряжаться своим частным хозяйством. В том случае, если у них был дополнительно к держанию аллодиальный участок, они могли продавать его, не испрашивая согласия вотчинника⁴.

Большая часть оседавших на территории вотчины экспроприированных непосредственных производителей превращалась не в сервов, а в различные категории полусвободного крестьянства. К ним относятся пришлые крестьяне, известные в наших источниках под именем *hospites*, *hospites fundati* (в более поздних источниках они называются также *advenientes*). Лишившись своих наделов в результате внутреннего расслоения в общине, они вынуждены были селиться на земле феодала (нередко — ранее пустовавшей). Они сохраняют, по крайней мере, на первых порах и частично, личную свободу. Так, например, в 897 г. кафедральная церковь св. Марии в Апулии заключает соглашение с прибывшим из области Салерно Иоанном, который получает половину держания Адула — серва епископства в деревне Колумна. Иоанн обязан пожизненно обрабатывать полученный участок и нести повинности. Таким образом, он приравнивается по своему положению к серву Адулу, но сохраняет свободу (*salva sua libertate*). Эта свобода весьма призрачна: в грамоте указывается, что в случае побега Иоанна должностные лица епископа имеют право разыскать его, схватить и, против его воли, вернуть «к службе епископству», взыскав, кроме того, штраф в 20 золотых солидов⁵. Итак, его свобода сводится лишь к тому, что зависимость формально не распространяется на его потомков; может быть, он получал, сверх того, освобождение от некоторых специфических поборов, уплачиваемых крепостными.

Hospites могли сверх своего держания арендовать отдельные участки земли. Получив от своего сеньера на десятилетний срок участок земли размером 20 шагов на 10, братья Ангел, Лев и Бон обязуются ежегодно в августе привозить к двери дома землевладельца 3 модия обмолоченной пшеницы⁶. Поскольку столь небольшой участок не мог составить основного держания этих *hospites*, данный акт не определял полностью взаимоотношений между ними и феодалом. Конкретные условия, на которых *hospites* держали земли, сильно отличались друг от друга в зависимости от местности, степени нужды землевладельца в рабочих руках и ряда других

¹ Neap. arch., II, № 169, p. 254—255.

² Ibid., I, № 45, p. 160—165. Интересен акт 986 г., предусматривающий сохранение личной свободы Марии — свободной женщины, вышедшей замуж за монастырского серва, и ее потомков, но предписывающий последним обязательную уплату монастырю ренты — в размере $\frac{2}{3}$ урожая. Cava, II, № 383, p. 235.

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1952, стр. 595.

⁴ Neap. arch., III, № 220, p. 102—103.

⁵ Barletta, № 1, p. 1—2.

⁶ Neap. arch., II, № 69, p. 39—40. Cp. Cod. Caiet., I, № 53, p. 99—100.

обстоятельств. Отдельные *hospites* могли разбогатеть, в частности, вследствие наличия у некоторых из них рабов¹, но большинство *hospites* неминуемо вливалось по мере укрепления феодальной системы хозяйства в формирующийся класс зависимого крестьянства. Они несли повинности, согласно обычаю (*omnes consuetudinarium censum seu regulibus et responsaticas*) и могли быть переданы вместе с землей другим вотчинникам². Некоторые из этих *hospites* попадали в весьма тяжелую зависимость³. При этом они часто попрежнему сохраняли свое название, которое означало лишь то, что их более или менее отдаленные предки были свободными людьми и прибыли из другой местности.

Некоторое значение в процессе подчинения свободных крестьян феодалу имели отношения патроната. Лица, коммендировавшиеся крупным землевладельцам (*commenditi*), перечисляются в некоторых актах отчуждения наряду с *hospites*⁴. Разница между ними была, очевидно, незначительна. *Commenditi* сохраняли на первых порах ряд прав, характерных для свободных людей⁵, но коммендация была лишь первым шагом на пути создания все большей зависимости крестьян.

Чрезвычайно широкое распространение получили в Южной Италии как в эту, так и в последующую эпоху арендные договоры. Они были настолько разнообразны по своему содержанию, что для облегчения анализа их следует разделить на несколько основных групп. В своей классификации мы исходим из социального положения арендатора, насколько это представляется возможным сделать, ибо формулировки грамот, как правило, весьма лапидарны и однообразны.

Первой, сравнительно небольшой группой арендаторов являются крупные землевладельцы, для которых аренда являлась средством присоединить к своей территории участки, обычно весьма обширные по своим размерам, на условиях уплаты за них денежного чинша их собственнику — другому магнату (чаще всего — монастырю). Примером такого рода отношений является аренда на 29-летний срок протоспафарием Григорием земель монастыря Монте-Кассино в областях Бари, Ориа и Тарента⁶ или аренда протоспафарием Гоудином всех владений монастыря Волтурно в области Ачеренцы⁷. Чинш, уплачиваемый крупным эмфитевтом или ливеллярием (наши источники не делают различия между этими двумя видами арендаторов), представлял собой известную долю феодальной ренты крестьян, сидящих на арендуемой земле. В число крестьян, попадавших под власть феодала-арендатора, могли входить сервы, *hospites*, иногда колоны, бравшие мелкие участки в субаренду, и др. Райнард получает у монастыря Волтурно на 29 лет обширные угодья вместе с помещенными на них сервами и колонами, с условием уплаты чинша⁸. Специфическими особенностями отличался договор, который монастырь Волтурно заключил на 29 лет с тремя братьями, сыновьями Акциона; по этому договору последние вообще освобождаются от уплаты арендной платы, ибо им вменяется в обязанность заселить полученные земли в местности Альфена людьми (*ordinare et dstringere ibi homines*). Договор будет расторгнут через 2 года в том случае, если к этому времени выяснится, что взятое

¹ Neap. arch., I, № 37, p. 131—137; № 39, p. 142—145.

² Ibid., I, № 17, p. 60—67; III, № 189, p. 19—21 и др.

³ См., напр. Neap. arch., III, № 214, p. 91—93.

⁴ Ibid., I, № 17, p. 60—67; № 37, p. 131—137, № 39, p. 142—145.

⁵ См. Chron. Vult., p. 398—399.

⁶ F. Trinchera, № I, p. 1.

⁷ Chron. Vult., p. 410.

⁸ Ibid., p. 421.

на себя обязательства они не выполнили¹. Следовательно, ренту с привлеченных арендаторами и эксплуатируемых ими людей будут целиком получать вотчинники-ливеллярии, и лишь позднее монастырю будет передано вновь образовавшееся на монастырской земле крестьянское поселение.

Вторая категория ливелляриев — мелкие вотчинники или эксплуатировавшие чужой труд зажиточные крестьяне, которые расширяли свои угодья не только путем покупки, но и путем аренды земельных участков, иногда с целью ликвидации чересполосицы своих владений. Краткий текст договоров далеко не всегда дает возможность отличить мелких вотчинников и зажиточных крестьян от остальных, в том числе беднейших крестьян. Размер арендной платы не может служить твердым критерием; хотя безземельные или малоземельные арендаторы уплачивают сплошь да рядом более высокий чинш, нежели вотчинники, подобное положение не является общим правилом: мелкий вотчинник, заинтересованный в аренде данного участка, мог платить иногда довольно высокий побор (который он в свою очередь получал путем эксплуатации своих держателей); с другой стороны, сравнительно низкий чинш с крестьян мог быть следствием наличия большого комплекса пустующих угодий у землевладельца или же успешного сопротивления крестьян-арендаторов. Однако несомненной является принадлежность ко второй группе ливелляриев тех арендаторов, которые имеют держателей или систематически используют вспомогательную рабочую силу, о чем иногда можно судить по тексту договоров.

В ряде грамот, фиксирующих отношения, создавшиеся в Неаполитанской области, говорится о найме ливеллярием сельскохозяйственных поденщиков (*operarii*). Стефан Манокки, сын Мавра, из деревни Помилиано, получил от монастыря св. Сергия и Вакха в аренду 12 участков земли с условием, что он будет обрабатывать их своими быками и сельскохозяйственными орудиями, используя труд «своих» работников; впрочем, в период жатвы, молотбы и сбора винограда монастырь, совместно со Стефаном, должен давать им плату (*merces*)². В других грамотах также указывается, что расходы на оплату поденщиков ложатся на арендаторов, за исключением обязанности монастыря давать поденщикам половину платы за сбор винограда или оплачивать половину стоимости вина, которое они выпьют во время этого сбора³.

Для данной эпохи более характерно использование зажиточными арендаторами труда зависимых крестьян, чем наем сельскохозяйственных работников. Два брата — крестьяне из деревни Пектоле — получают в 987 г. у Монте-Кассино на 29 лет землю для насаждения различных культур и дополнительно 1 модий земли, чтобы построить дом (с садом) и поселиться там со своей семьей, «друзьями и коммендировавшимися людьми» (*commenditi*), а по окончании срока они имеют право уйти вместе с последними⁴. Некоторые договоры монастыря Волтурно с целыми коллективами крестьян также предусматривают право крестьян покинуть монастырскую территорию вместе с коммендировавшимися им людьми⁵. В некоторых грамотах говорится о «людях», которых ливеллярий пошлет на полученный участок для его обработки⁶. Сами арендаторы — несомненно крестьяне, хотя и богатые, ибо они также участвовали вместе с членами своей семьи

¹ Chron. Vult., p. 433—434.

² Neap. arch., II, № 87, p. 78—80.

³ Ibid., II, № 89, p. 83—85; IV, № 263, p. 1—3.

⁴ Ibid., III, № 208, p. 10—72. То же — Chron. Vult., p. 453, p. 455—456.

⁵ Chron. Vult., p. 425—426, 436—437, 509—510.

⁶ Cava, III, № 467, p. 11—12, № 518, p. 83—85; Chron. Vult., p. 456—457.

в сельскохозяйственных работах наряду со своими держателями. Уже известный нам Стефан Манокки письменно закрепляет свое обещание отцу в течение жизни последнего 6 дней в году работать на его пашне и винограднике¹. Мар из деревни Казано, обязуясь платить чинш за взятый в аренду у двоюродной сестры надел, подчеркивает, что и он сам и все мужчины его семьи обязаны выполнять все нужные сельские работы на этой земле бесплатно, а оплата наемных рабочих, занятых сбором винограда, сбором и выжиманием оливок, будет производиться совместно Маром и его сестрой².

Большинство ливеллярных контрактов, бесспорно, землевладельцы заключали с крестьянами, испытывавшими нужду в земле. В аренду нередко отдавались пустоши с целью обращения их в пашню и насаждения виноградников, оливковых рощ, садов. Крестьяне обязаны были производить посев и насаждение лоз и деревьев своими средствами, используя свои собственные сельскохозяйственные орудия и рабочий скот. Арендная плата чаще всего выражалась в определенной доле урожая — половине урожая зерновых культур³ или, в большинстве случаев (в особенности — при аренде пустоши), — трети, четверти и даже десятой части зерна⁴. Иногда чинш состоял из твердого количества продуктов⁵ или из продуктов и денег⁶. Если ливеллярный арендовал землю с условием насадить на ней виноградник, то первые годы (до 10 лет) он был освобожден от уплаты оброка⁷, поскольку лозы еще не плодоносили. Если же ливеллярный получил в аренду уже выращенный виноградник, чинш достигал часто половины урожая⁸. Крестьяне должны были насаждать также оливы, фруктовые деревья, каштаны, ореховые кусты⁹. Чрезвычайно большое внимание уделялось качеству обработки земли. В грамотах подробно описываются все сельскохозяйственные работы, которые должен производить ливеллярный. Он обязан пахать, сеять, жать, молотить, сажать лозы и фруктовые деревья, рыть каналы для их орошения, подрезать ветви, прививать черенки, обносить сады и виноградники изгородами и пр., — вообще делать все необходимое для приведения земли в лучшее состояние. После сбора урожая ливеллярный должен выжать виноград в своем давяльном чану, изготовить, пользуясь своим собственным прессом, оливковое масло. Монастырю сдавалось уже готовое вино и масло. Дополнительной повинностью была подводная: почти во всех случаях оговорено, что арендатор сам привозит причитающуюся землевладельцу долю зерна, вина, фруктов, овощей и пр. в его двор.

Текст грамот свидетельствует о непрерывной борьбе между крупными церковными и светскими землевладельцами и арендаторами крестьянского

¹ Near. arch., I, № 13, p. 44—46.

² Ibid., II, № 125, p. 160—161, № 126, p. 162—163, № 127, p. 164—165.

³ См., напр., Near. arch., IV, № 263, p. 1—2.

⁴ Chron. Vult., p. 452—453, p. 456—457; Near. arch., II, № 154, p. 221—222.

⁵ Напр., 2 модия пшеницы: Near. arch., III, № 184, p. 3—5; 1,5 модия красной фасоли: Near. arch., III, № 221, p. 104—105; 2 модия пшеницы, 3 голубя и 20 штук рыбы: Near. arch., III, № 4, 183, p. 1—2 и др.

⁶ Напр., половина урожая вина, треть — зерна, четверть — льна, 2 пары кур и 1 тарен зол. Near. arch., III, № 208, p. 70—72; см. также Near. arch., III, № 199, p. 17, № 208, p. 70—72, № 260, p. 193—194, IV, № 299, p. 94—95.

⁷ Cava, III, № 475, p. 24—25; № 531, p. 100—102; Chron. Vult., p. 454.

⁸ Chart. Sup., № 4, p. 8—10; Cava, III, № 478, p. 29—30; № 481, p. 32—34; № 482, p. 34—35; № 495, p. 54—56; № 497, p. 58—59; № 504, p. 67; Chron. Vult., p. 455—456; Near. arch., III, № 191, p. 24—25; IV, № 271, p. 20—22; № 276, p. 31—33; № 284, p. 51—53; № 294, p. 81—82.

⁹ Cava, III, № 495, p. 54—56, № 513, p. 77—78; № 518, p. 83—85; Near. arch., IV, № 296, p. 86—88.

типа за размер чинша. Собственники земли стремились подчинить арендаторов строгому контролю, чтобы помешать им утаить часть урожая и тем самым уменьшить объем оброка. С этой целью посылались специальные лица, которые присутствовали при уборочных работах, молотбе и изготовлении вина. Крестьянам часто даже вменялось в обязанность кормить одного или нескольких надсмотрщиков¹. Все договоры отмечают, что ливеллярий должен отдавать хорошее, сухое зерно и чистое, т. е. без примеси воды, вино. Во многих местностях крестьянам удалось добиться фиксации определенного уровня арендной платы. Многие ливеллярные грамоты не указывают размера чинша, огмечая, что он будет уплачиваться «согласно обычаю», «в таком размере, в каком его несут другие люди этой деревни»².

В источниках византийского периода (как и в более поздних) встречается еще один тип договора, условия которого сводятся к следующему: арендатор получает заброшенный участок земли, чтобы насадить на нем виноградник (иногда — фруктовый сад). Все расходы падают на арендатора, который в течение ряда лет должен вкладывать большой труд, чтобы превратить пустошь в виноградник или сад. Затем эта земля делится на две равные доли: половину получает в собственность арендатор, а половина возвращается землевладельцу (за которым остается право предпочтительной покупки участка, переданного арендатору)³. Повидимому, большей частью землю на таких условиях арендовал крестьянин, обладающий аллодом или держанием, дающим ему возможность прокормиться в течение тех лет, пока не начнет давать урожай виноградник. Тем не менее, очевидно, что арендаторами, соглашающимися на такие условия, были крестьяне, страдающие от недостатка земли, так как лишь это могло побудить арендатора вырастить виноградник и отдать его половину ценой получения небольшого участка земли в собственность. Те же соображения возникают при анализе договоров об аренде пустоши: разработка целины при невысоком уровне сельскохозяйственной техники представляла собой столь сложную задачу, что получение таким путем участка в держание, как правило, не могло представлять интереса для вотчинника (за исключением отдельных случаев — когда, например, пустошь вклинивалась в его землю).

Некоторые из ливеллярных контрактов содержали запрещение съемщику покидать землю до истечения срока договора (большей частью — длительного)⁴. Нарушение арендатором условий влекло за собой нередко высокий денежный штраф. Такое нарушение условий, в частности — неплата оброка, было весьма вероятным в неурожайные годы или в периоды войн и опустошительных набегов сарацин. Так как неимущий ливеллярий вряд ли был в состоянии внести штраф, некоторые грамоты особо оговаривали право собственника земли взять в залог имущество съемщика, а иногда обуславливали даже обязанность последнего

¹ Cava, III, № 482, p. 34—35; № 497, p. 58—59; № 518, p. 83—85; Neap. arch., IV, № 271, p. 20—22; Chron. Vult., p. 455—456.

² Cod. Caiet., I, № 181, p. 358—359; Neap. arch., II, № 87, p. 78—80; IV, № 284, p. 51—53; № 296, p. 86—88; Cava, III, № 467, p. 11—12; № 471, p. 17—18; № 475, p. 24—25; № 482, p. 34—35; № 495, p. 54—56; № 497, p. 58—59; № 518, p. 83—85; № 521, p. 88. Наличие обычая свидетельствует о распространенности ливеллярной аренды.

³ Terlizzi, № 5, p. 10—12; Barletta, № 4, p. 9—10; F. Trinchera, № 30, p. 35—36; № 38, p. 44—48; Cava, II, № 224, p. 16—17; III, № 520, p. 86—87; № 531, p. 100—102. Такого рода арендные договоры встречаются также в некоторых других областях Средиземноморья. См. напр. Н. П. Грацианский. Бургундская деревня в X—XII столетиях, 1935, стр. 62 сл.

⁴ См. напр., Cod. Caiet., I, № 181, p. 358—359.

кормить лиц, посланных наложить секвестр на его имущество, а также их лошадей¹.

Особняком стоит значительная группа договоров, заключенных коллективами крестьян Южной Италии с феодалами. Некоторые из них относятся к XII в.², но первые договоры были заключены в византийскую эпоху. Они представляли собой или хартии, фиксирующие положение групп пришлых крестьян, образующих новые деревни на территории вотчины, или же подтверждение прав и привилегий, уже принадлежавших жителям данного поселения. (Иногда крестьяне получали это подтверждение в момент перехода населенного пункта в руки нового владельца.)

Большой интерес представляют договоры, заключенные монастырем Волтурно с целью заселения обезлюдевшей в результате набегов сарагин местности. В 939 г. аббат заключает договор на 29 лет с 19 крестьянами, которые селятся со своими семьями, скотом и имуществом в Оливето (область Венафро, около р. Волтурно). Им предоставляется право обработать столько земель, сколько они захотят, и пасти свой скот в лесах и на пастбищах монастыря. Крестьяне могут поселить в своей деревне любое количество людей, которые будут работать на этих землях. Крестьяне обязаны нести за землю и за скот те же повинности, которые несут «люди» Венафро своему сеньеру (*senior*). Поселенцы сохраняют право беспрепятственно уйти со всем своим имуществом из Волтурно. За нарушение условий монастырь заплатит им 100 золотых солидов³.

Четыре семьи крестьян, поселившиеся на монастырской земле в местности Каstellо (945 г.), обязуются, по ливеллярному договору, обработать эти пустующие угодья в том объеме, какой они будут в состоянии выполнить. В течение первых четырех лет они освобождаются от уплаты поборов, в дальнейшем должны отдавать должностному лицу монастыря четвертую часть урожая зерна, винограда и других культур. Поселившись на территории монастыря на 29 лет, они теряют право ухода до истечения срока: «И все вышеупомянутые обязуются, что с того дня, когда они поселились в Каstellо, они не имеют права уйти на жительство в другое место без разрешения господина аббата или его преемников». Нарушив договор, крестьяне должны будут уплатить 50 фунтов серебра; в случае неуплаты штрафа, у них будут взяты в залог быки, коровы, свиньи и остальное имущество; более того, должностные лица монастыря получают право схватить их на любой дороге и в любом месте, отвести к судье и задержать до тех пор, пока претензии монастыря не получат удовлетворения⁴.

В 950 г. монастырь дает 14 крестьянам в наследственную аренду церковь св. Марии со всей окрестной территорией в той же области Венафро. Арендаторы обязуются ежегодно давать монастырю десятую часть урожая пшеницы, ячменя и проса. Если они насадят виноградники, то в течение первых десяти лет не должны платить за них, а в дальнейшем будут давать такую же часть урожая, какую дают владельцам земли других издольщиков (*portionarii*) Венафро. Те арендаторы, которые захотели бы (вернее, смогли) иметь лошадь и нести монастырю конную, т. е. военную, службу, освобождаются от уплаты ренты за землю⁵. Держатели имеют право в любой момент покинуть вотчину со всем своим имуществом и

¹ Neap. arch., III, № 183, р. 1—2; № 263, р. 104—105; IV, № 300, р. 96—97.

² См. М. Л. Абрамсон. Положение крестьянства и крестьянские движения в Южной Италии в XII—XIII веках. «Средние века», вып. III, 1951, стр. 54 и сл.

³ Chron. Vult., р. 418—419.

⁴ Ibid., р. 422—423.

⁵ См. тот же пункт в договоре 977 г. Chron. Vult., р. 453—454.

имуществом коммендировавшихся им людей, но до тех пор, пока они остаются на ее территории, они обязаны признавать монастырь своим сеньором и не обращаться к какому-либо другому суду, кроме монастырского. Монастырь в свою очередь обязуется защищать их держания и уплатить им, в случае нарушения договора, 50 византийских (золотых) солидов¹.

Испытывая острую потребность в заселении своих опустошенных владений, монастырь Волтурно заключает в 972—976 гг. ряд договоров с отдельными лицами и 3 договора с группами пришлых крестьян по 10—20 человек, получающих в держание отдельные части вотчины. В двух из этих контрактов аренда является наследственной, в третьем земля сдается на 29 лет. В наследственных контрактах указывается, что крестьяне должны построить укрепление (*castellum*, — впрочем, иногда *castellum* не обносится стенами), дома, дворы, сады и все необходимое для поселения. Размер чинша в этих грамотах не определяется размерами участков или урожая: крестьяне платят в сентябре монастырю 1 модий пшеницы, 1 модий ячменя и 2 модия вина с каждого очага. Потор за скот составляет одиннадцатую часть свиней (то же — в договоре 950 г.). Если крестьяне не выполнят свои обязательства, монастырь требует с них 1 фунт золота или берет в залог их скот². Условия третьего договора отличаются, главным образом, тем, что в нем вместо натуральной ренты фигурирует барщина (*servitium*), такая же, «какую выполняют свободные люди, живущие в усадьбах (*curtes*) нашего монастыря» в Санто Винченцио. Крестьяне могут покинуть Волтурно со своим имуществом и коммендировавшимися им людьми лишь по окончании срока договора³. Повидимому, в сходном положении находились крестьяне деревни Байерано, чинш которых определен в размере трети урожая всех посеянных культур. 14 представителей этой общины во главе с судьей (*judex*) Ради Колупео, давшие письменное обязательство от имени всех жителей деревни, являются поручителями и отвечают своим скотом и остальным имуществом за выполнение обязательств⁴. Такого же рода договоры заключались монастырем и в XI в.⁵ В одном из этих договоров, заключенных с 25 крестьянами, имеется любопытное добавление относительно того, что монастырь не имеет права увеличить размеры чинша⁶.

Сходные отношения создавались между Монте-Кассино и крестьянскими общинами в разбросанных по всей Южной Италии владениях монастыря. При передаче графом Трайетто монастырю Монте-Кассино четверти графства Трайетто, половины крепости Спино и четверти крепости Фратто (1058 г.), в дарственной грамоте указывается, что монастырь не имеет права увеличивать размер повинностей жителей уступленной территории — как тех, кто несет конную службу, так и тех, кто выполняет барщину со своими быками⁷. Особая хартия Монте-Кассино, подтверждающая за крестьянами их права, перечисляет последние более подробно. Члены общин имеют право свободно распоряжаться своей движимостью (в том числе — скотом), домами и аллодами (*hereditates*). Аббат обязуется не назначать к крестьянам, против их воли, судьи, происходящего из другой местности, и судить их согласно закону. Те из жителей, которые будут служить монастырю со своей лошадью, освобождаются от всякой другой

¹ Chron. Vult., p. 425—426.

² Ibid., p. 434—435, p. 435—436.

³ Ibid., p. 436—437.

⁴ Ibid., p. 475.

⁵ Ibid., p. 509—510, 511—512, 516.

⁶ Ibid., p. 512.

⁷ Cod. Caiet., II, № 204, p. 18—19; новое подтверждение — *ibid.*, № 209, p. 29—31.

службы и от поборов за землю, за скот (составлявший $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{15}$ от всего поголовья свиней), за исключением тяготевшей над всеми членами общин обязанности постройки и ремонта стен этих крепостей. Крестьяне могут покинуть владения Монте-Кассино, но предварительно они обязаны продать на месте все свое имущество¹.

Последний из договоров, заключенных Монте-Кассино с крестьянскими общинами в этот период, относится к 1079 г. Договор был заключен с шестью «добрыми людьми» общины Суйо (среди них — судья Иоани), которые выступали представителями всех жителей крепости. В договоре были подтверждены права членов общины на все земли, виноградники, дома и прочее недвижимое и движимое имущество, которое им принадлежит или будет приобретено в дальнейшем. Монастырь не будет претендовать на взимание с крестьян чинша за их аллодиальные земли и виноградники. За свое держание крестьяне дают натуральный побор (*terraticum*) в том объеме, в котором они, согласно обычаю, несли его с древних времен. В договоре перечисляются имена 16 лиц (трое из них принадлежат к «добрым людям»), которые вместе со своими наследниками освобождаются от барщины монастырю. Остальные должны выполнять трехдневную барщину на монастырской земле в Суйо: один день на посеве, один — на жатве и один — на сборе винограда. Общине предоставляется право суда (*legem et iustitiam facere*), очевидно — по гражданским тяжбам, а может быть, — по мелким уголовным преступлениям. Судья и *viccomes* общины будут назначены аббатом лишь из числа ее членов и с их согласия. Дочери крестьян получают гарантию, что они не будут обращены в рабство или проданы за какое-либо преступление. Те из жителей Суйо, которые хотят служить монастырю «с лошадьми и оружием», получают это право, причем, в случае утраты кем-либо из них во время несения службы коня или оружия, монастырь обязан возместить ущерб. Никто из крестьян Суйо не имеет права уйти из-под власти монастыря (*ad subtrahendum de potestate monasterii*). В случае нарушения договора аббат или его преемники обязаны заплатить «добрым людям» общины 300 византийских солидов, что, однако, не освобождает монастырь от последующего соблюдения хартии².

Темп превращения непосредственных производителей, арендующих землю феодала, в зависимых крестьян в значительной мере определялся степенью обременительности принятых крестьянами обязательств, прежде всего — величиной арендной платы, которая превращается в форму феодальной ренты. Наиболее тяжелой из форм аренды было половничество (главным образом — при аренде виноградников). Только обезземеленные крестьяне или аллодисты, сохранившие лишь небольшой надел и не имеющие возможности прожить без аренды дополнительных участков, обычно соглашались на аренду исполу. Вогчинники не нуждались (может быть, за редкими исключениями) в аренде на таких условиях, ибо передача верховному владельцу земли половины урожая лишила бы их возможности оставить себе часть полученной с держателей ренты. Высокая доля урожая, которую крестьяне-испольщики отдавали сеньеру, свидетельствовала об интенсивности их эксплуатации. Равным образом для крестьянина, пытающегося любыми средствами сохранить свою самостоятельность, никоим образом не могло служить спасительным выходом получение в аренду пустоши, обработка которой требовала упорного труда, с последующей уплатой чинша или с приобретением клочка земли.

¹ Cod. Caiet, II, № 213, p. 37—39.

² Ibid., № 253, p. 124—126.

Но и другого рода договоры, заключенные с крестьянами, вели в конечном итоге к их разорению и утрате свободы. Этому способствовало, в частности, запрещение некоторым ливелляриям уходить с земли до окончания срока договора (последний нередко превращался в наследственный), а также высокий штраф при нарушении условий контракта. Хартии, полученные крестьянскими общинами, еще нагляднее показывают, что крестьяне зачастую вступали не только в поземельные, но и в личные отношения с вотчинником. Большой частью ранее свободные крестьяне теряют право перехода, по крайней мере, до окончания времени действия договора, а в некоторых случаях издавна поселившиеся на данной территории люди вообще лишены права передвижения (хартия Суйо) или могут уйти лишь после продажи всего своего имущества (хартия Трайетто). Высокий штраф за уход с монастырской земли в Кастелло и право монастыря разыскивать и возвращать крестьян показывают, насколько серьезным становилось ограничение свободы мелких держателей. Крестьяне обязаны были признавать собственника земли своим сеньером и попадали иногда под его судебную власть, что имело очень большое значение. Так, например, хотя крестьяне, поселившиеся в области Венафро, формально могли покинуть монастырские земли, тем не менее на деле они являлись зависимыми людьми и должны были подчиняться решениям монастырского суда. Обладая столь сильным орудием внеэкономического принуждения, монастырь имел возможность в дальнейшем во все большей степени подчинять крестьян своей политической власти. Право феодала брать в залог имущество крестьян, в первую очередь такое ценное орудие производства, как рабочий скот, являлось серьезной угрозой для малоимущих крестьян, не располагавших запасами.

Но следует подчеркнуть и другую сторону этих отношений. Хартии давали известное преимущество крестьянам, ставшим держателями земли вотчинника. Крестьянские общины сохраняют ряд прав: определенную долю внутреннего самоуправления (иногда вотчинник даже вынужден был признать за ними право разбирать гражданские тяжбы в общинном суде), некоторые гарантии от произвола сеньера, а главное — фиксацию ренты. Иногда в грамотах особо подчеркивалось отсутствие у феодала права повышать повинности. Разумеется, нарушение договора в этом направлении (как и в других) нередко имело место, но тем не менее самый факт установления твердого размера ренты был важным результатом борьбы непосредственных производителей с феодалами. Права отдельных ливелляриев более ограничены, однако заключенные ими договоры также фиксировали размер чинша и обеспечивали за ними некоторые права.

Следовательно, тот особый путь, которым совершалось втягивание в зависимость значительной части южноитальянского крестьянства — поселение крестьян в одиночку или целыми группами на земле феодала в качестве арендаторов — приводил к медленному и постепенному изменению их положения. Это оказывало большое влияние на складывание класса феодально-зависимого и крепостного крестьянства в целом, ибо его высшая, полусвободная прослойка еще долго находилась в состоянии, значительно отличающемся от положения сервов и других близких к ним категорий крестьянства.

Для Южной Италии исследуемого периода характерно, с одной стороны, большое распространение ливеллярных договоров, частое упоминание о *hospites* и целых поселениях пришлых крестьян, а с другой стороны — незначительное количество указаний в грамотах на *precaria oblata* и *remuneratoria* и сравнительно редкие упоминания о крестьянах, отдавших себя вместе с землей под покровительство крупного вотчинника. Эти

факты позволяют сделать вывод, что в южной Италии процесс подчинения мелких собственников крестьянского типа крупным землевладельцам распадался большей частью на два этапа, отделенных во времени: 1) полное или частичное обезземеление крестьян, 2) их поселение на земле феодала в качестве держателей, что вело постепенно к утрате ими свободы. Это своеобразие было связано с наличием развитых товарно-денежных отношений и большой подвижностью земельной собственности в областях Неаполя, Гаэты, Апулии и, в несколько меньшей степени, — Калабрии. Крестьянская община Южной Италии не могла преодолеть развешивающей ее силы. Она разлагалась изнутри; выделялась верхушка зажиточного крестьянства, имеющего возможность делать накопления благодаря связи с локальным рынком, скупать или каким-либо другим путем (в частности, посредством ростовщических операций) приобретать наделы своих обедневших соседей. Аренда земли феодала не грозила наиболее богатым членам общины утратой свободы. Хартии ставили их в привилегированное положение: приобретение лошади и оружия давало им право нести конную военную службу взамен крестьянских повинностей, что облегчало этой небольшой группе разбогатевших крестьян проникновение в низшую прослойку класса феодалов. Приобретая земли, разбогатевшие крестьяне использовали для их обработки труд разоряющихся общинников. Сельскохозяйственные рабочие, о которых говорится в грамотах, — это местные или пришлые, потерявшие свои наделы крестьяне или же односельчане, сохранившие небольшой участок, но вынужденные продавать свою рабочую силу, чтобы прокормить себя и семью. Так, некий Византий должен был отдать своего малолетнего сына на 9 лет Гагельпоту, который обещал кормить его, давать ему одежду и обувь, полагающуюся пастухам. В течение первых трех лет мальчика не станут заставлять работать; позднее он будет пасти свиней или коз, ухаживать за ними и стричь коз, за что получит определенное вознаграждение (четвертую часть шерсти, молоко и пр.). На время, предусмотренное договором, мальчик теряет свободу: если он убежит к отцу или в какое-либо другое место, хозяин имеет право вернуть его, наказать и заставить снова служить ему¹.

Зажиточные крестьяне нередко поселяли на своей земле держателей и превращались в мелких вотчинников. Таким образом, дуализм, присущий общине с момента превращения пахотной земли в частную собственность, приводил ко все более глубокому расслоению среди ее членов.

С другой стороны, постепенно усиливался натиск на общину извне — со стороны церковных и светских феодалов. Если в условиях развитой торговли и денежного хозяйства происходило сосредоточение крестьянских наделов, превратившихся в аллоды в руках богатых общинников, то тем более интенсивным было присвоение земельной собственности крупными и средними землевладельцами — византийскими должностными лицами, приобретавшими уголья, а также сблизившейся с ними местной знатью лангобардского и италийского происхождения.

Грамоты IX—X вв. позволяют проследить, как проходил процесс экспроприации аллодистов крестьянского типа и формирования феодальной собственности на землю.

В обширной группе актов о продаже земельных угодий безусловно значительную часть составляют грамоты, фиксирующие отчуждение всего или доли недвижимого имущества мелкого аллодиста. Обычно формула акта продажи является очень краткой и не дает возможности установить, продается ли вся земля или часть ее, но зато ряд грамот дает ценные

¹ Cava, III, № 459, p. 1.

сведения о мотивах продажи участков, рисуя нужду, заставляющую крестьян расстаться с землей. Продажа Фазанулом полученной им по наследству части огороженного участка мотивируется тем, что продавец страдает от сильнейшего голода и нищеты и не имеет никаких средств к жизни (причем полученная им за этот надел сумма — 10 милиарисиев, т. е. меньше 1 солида, — сама по себе свидетельствует о степени бедности продавца)¹. Точно так же за 6 милиарисиев некий Нандольф продает «вследствие моей великой нужды» пустошь, доставшуюся ему от отца². На голод и нищету, которые он не в состоянии избежать, жалуется другой продавец — Якинт³.

Значительную роль в подрыве самостоятельного крестьянского хозяйства играло в Южной Италии ростовщичество, получившее большое распространение. Ростовщики, принимая в залог участки пашни и виноградники, присваивали урожай, который рассматривался как проценты на одолженную сумму⁴. Нередко крестьяне оказывались не в состоянии уплатить долг и должны были продавать заложенную землю или иной участок. В апулийской грамоте 997 г. сестры Бенефактула и Тоттула заявляют: «В эти тяжелые времена одолела нас сильная нужда, мы испытываем голод и очень страдаем от нищеты. Сверх того, что хуже всего, наш отец оставил нам долг, и мы не имеем ни малейшей возможности уплатить этот долг. И мы начали совещаться о том, что мы могли бы дать из нашего имущества, чтобы вырваться из этой нужды и уплатить долг нашего отца». Вместе с матерью сестры продают унаследованный от отца дом за 8 солидов⁵. Апулийский крестьянин Концилий уже лишился всего своего имущества, которое было им пожертвовано кафедральной церкви св. Марии, и сохранил лишь пожизненное пользование им на условии ежегодной уплаты 2 стайо (старий) оливкового масла. «Но теперь, — писал Концилий в грамоте, — я впал в глубокую бедность и обременен большими долгами, и не имею даже на что жить и, что еще хуже, с каждым днем увеличивается размер долга и с каждым днем все более безысходной становится нужда». Поэтому он просил архиепископа дать ему возможность продать часть пожертвованного церкви имущества, чтобы уплатить долг, проценты и приобрести средства, на которые он мог бы жить. Архиепископ разрешил Концилию продать 3 ранее принадлежавших ему участка с виноградными лозами, оливами, гранатовыми деревьями и яблонями⁶. Другой апулец — Фальк также продает два виноградника (за 12 солидов), чтобы уплатить долг и проценты, «так как за мои грехи все более увеличиваются эти проценты»⁷. Несовременнолегний Бенеагго просит разрешения продать свое имущество в деревне Каstellано, ссылаясь на сильную нужду, голод и тяготеющий над ним долг отца. Всю свою недвижимость, оцененную лишь в 10 милиарисиев, Бенеагго удалось продать несколько дороже — за 1 золотой солид⁸. Иногда земля переходила в счет уплаты долга самому заимодавцу⁹.

Процесс обезземеления крестьян протекал также в форме дарений ими своих угодий монастырям. Вероятно, весьма значительная доля многочисленных дарственных грамот этой эпохи была составлена крестьянами, не

¹ Chart. Cup., № 8, p. 22—26.

² Barletta, № 3, p. 7—9.

³ Chart. Cup., № 28, p. 63—64.

⁴ Perg. di S. Nicole, fram. 4, p. 101—102; fram. 7, p. 104—106.

⁵ Ibid., № 6, p. 12—14.

⁶ Bari, № 21, p. 36—38.

⁷ Perg. di S. Nicola, № 7, p. 14—15.

⁸ Chart. Cup., № 29, p. 65—66. См. также Cava, III, № 494, p. 50—54.

⁹ Cod. Caiet., I, № 26, p. 46—47.

имевшими возможности сохранить наделы. В отдельных случаях траденты получали свою землю или взамен ее другой участок в качестве прекария в пожизненное пользование¹. Но прекарные держания были, повидимому, мало распространены. Иногда крестьяне жертвовали монастырю все свое имущество, чтобы стать монахами. Иногда семьи принявших пострижение даже брали на себя дополнительные обязательства, например при поступлении в монастырь Иоанн передал ему свой земельный надел, а его мать и братья обязались платить монастырю ежегодную ренту в размере 4 модиев пшеницы². При пострижении одного члена семьи его родственники могли вступать с монастырем в отношении, носящие характер зависимости. Петр и Цезарь, сыновья Иоанна, поступившего в монастырь св. Сергия и Вакха, дают игумену следующее обязательство: они дарят монастырю весь свой крупный рогатый скот с приплодом, за исключением одной коровы с телкой. Братья должны постоянно жить в деревне монастыря и пасти принадлежащих ему быков. Игумен, со своей стороны, обязан кормить и одевать Иоанна, давать братьям такую же еду, одежду и обувь, как другим волопасам монастыря, а также предоставить им в этой деревне землю для посева 1 модия пшеницы, 1 модия фасоли и 1 модия льна без уплаты поборов. Петр и Цезарь теряют свою свободу: «И никогда, — заявляют они, — мы никоим образом не осмелимся и не получим разрешения в течение твоей (игумена) жизни покинуть тебя или уклониться от службы, и если мы осмелимся покинуть тебя или обратимся в бегство в какое-либо место, то можешь нас преследовать, схватить и возвратить к повиновению и служению тебе»³. Монахи крестьянского происхождения оставались в положении, сходном с тем, в котором они находились ранее, — они продолжали выполнять различные крестьянские работы. В некоторых грамотах идет речь о монахах, которые обрабатывают земли аббатства⁴.

Тяжелые налоги, взимавшиеся византийцами, были одним из факторов, способствовавших разорению мелких аллодистов. В Южную Италию были, очевидно, перенесены многие византийские подати, но скудные данные источников и присущее им смешение греческих и латинских названий (не всегда, к тому же, точно соответствующих характеру налога) затрудняют изучение налоговой системы итальянских фем. Краткая характеристика этой системы необходима для анализа положения свободного крестьянства.

В акте 1033 г. упоминается ежегодный налог (*annuum tributum*, *τέλος*), взимаемый с хозяйства клирика Петра в размере 2 номисм в год⁵. Поскольку другая часть этого налога в той же грамоте носит название синоны (*συνονή*), можно предположить, что в итальянские фемы был перенесен основной византийский государственный налог — канон, состоявший, повидимому, из капникона и синоны. Это предположение подтверждается текстом другой грамоты (1046 г.), в которой упоминается капникон (*καπνικόν*)⁶. Вероятно, в грамотах, дающих освобождение от *publicum tributum*⁷, подразумевается канон.

В источниках часто упоминается обязанность нести военную службу в крепостях Южной Италии — *στρατεια*, *stratia domnica*, *serbitium domnicum*, *stratia imperiale*. В апулийской грамоте 980 г. идет речь о пашне, винограднике и саде, за которые следует нести *«ipso serbitio domnico, quod est ipsa*

¹ См., напр. Perg. di S. Nicola, № 39, p. 79—81.

² Neap. arch., I, № 14, p. 47—52.

³ Ibid., II, № 67, p. 34—35.

⁴ Perg. di S. Nicola, № 26, p. 54—56; F. Trincherà, № 27, p. 31—32.

⁵ Ibid., № 41, p. 43—46.

⁶ Ibid., № 32, p. 67—68.

⁷ F. Trincherà, № 3, p. 2—3; № 28, p. 32—33; Chron. Vult., p. 413.

militia»¹. В грамоте 1054 г. эта повинность называется *κοντοῦρων καὶ σκντοράτων ἐκβολήν*², в грамоте 1046 г. — *inscriptio militum*³. Очевидно, местные отряды, состоявшие из воинов итальянского происхождения, так называемые *contogati*⁴, вербовались из населения, обязанного нести за землю эту повинность. Некоторые земельные угодья были освобождены от нее⁵.

Население было обязано принимать на постой войска (*μετατόβον, metato, metatorum opus*)⁶. Значительное место в системе государственных налогов и повинностей занимали барщина и различного рода натуральные поставки. Барщина — *ἀγγυροσίχ, angaria*⁷ — заключалась в восстановлении стен, постройке крепостей (*auxilium pro castello aedificando*), мостов, починке дорог. Натуральные поставки производились, в частности, хлебом и фуражом⁸. С населения взимались судебные пошлины. Освобождая жителей Трон от уплаты судебных поборов, катепан Италии пишет: «И они ничего не дают курии за суд, с них ничего не взимается за примирение участников тяжбы»⁹. Широкое распространение получили пошлины с торговли: рыночная пошлина (*plateaticum*), побор за прибытие груза в морскую гавань или на речную пристань (*portaticum, portunaticum, ripaticum*), побор за проезд по дорогам с товарами (*finithia, via*) и др.¹⁰ За пользование публичными пастбищами и лесами взимались *herbaticum* и другие «обычные» поборы¹¹. Попытка заставить южноитальянские города строить суда (хеландии) вызвала в Апулии восстание¹².

Катепаны и стратиги раздавали некоторым магнатам грамоты с полным или частичным освобождением от налогов¹³. Для различных категорий полусвободного населения вотчины это означало превращение налога в феодальную ренту, поступавшую владельцу земли. Катепан Евстахий, передавая судье Бари Византию территорию Фолиано со всем населением крепости и сельской местности, указывал в грамоте, что Византий получает право собирать в свою пользу капникон и все остальные налоги, которые жители платили ранее империи¹⁴. Таким образом, налоговые изъятия не означали уменьшения податного гнета, тяготевшего над основной массой мелких землевладельцев; последние лишь в виде исключения получали освобождение от налогов¹⁵. Более того, податной иммунитет отдельных крупных вотчинников должен был увеличить ту часть общей суммы налогов, которая падала на остальное население. А сумма эта была весьма высокой: кроме тех средств, которые отправлялись в императорскую казну, значительная часть денег оставалась в руках высших, средних и низших византийских должностных лиц Апулии и Калабрии. Катепаны итальянских фем, не получавшие жалованья, имели право на часть собранных

¹ Chart. Sup., № 25, p. 36—37.

² F. Trinchera, № 42, p. 53—55.

³ Perg. di S. Nicola, № 32, p. 67—68.

⁴ О них см. Lupus Protosp., p. 58.

⁵ Chart. Sup., № 29, p. 64—66; № 41, p. 91—92; Barletto, № 7, p. 14—15; № 19, p. 39—40; Perg. di S. Nicola, № 6, p. 12—14 и др.

⁶ F. Trinchera, № 42, p. 53—54; Perg. di S. Nicola, № 21, p. 43—46.

⁷ Chron. Vult., pp. 413, 427; F. Trinchera, № 20, p. 21—22; № 42, p. 53—54.

⁸ Perg. di S. Nicola, № 32, p. 67—68; F. Trinchera, № 20, p. 21—22; № 42, p. 53—55.

⁹ F. Trinchera, № 20, p. 21—22.

¹⁰ Ibid., № 3, p. 2—3; № 20, p. 21—22; № 28, p. 32—33; Perg. di S. Nicola, № 21, p. 43—46; № 32, p. 67—68; Chron. Vult., p. 413.

¹¹ Ibid., № 20, p. 21—22; № 28, p. 32—33.

¹² См. ниже, стр. 195—196.

¹³ Chron. Vult., pp. 413, 427; F. Trinchera, № 3, p. 2—3; № 28, p. 32—33.

¹⁴ Perg. di S. Nicola, № 32, p. 67—68.

¹⁵ F. Trinchera, № 20, p. 21—22. В грамоте идет речь о частичном освобождении от податей жителей Трси.

средств. Кроме того, размер взимаемых с населения продуктов и денег значительно возрос вследствие произвола и вымогательства сборщиков налогов и других чиновников.

Время налогов было настолько тяжелым, что земельные собственники иногда даже прибегали к передаче части своих владений другому лицу, которое обязывалось уплачивать подати (в том числе — нести военную службу) за всю недвижимость полностью¹. Иногда землевладельцами, искавшими таким путем освобождения от непосильного гнета налогов, были крестьяне. В 1033 г. клирик Петр жертвует церкви св. Евстрата в Бари половину своих владений в деревне Падуло «таким образом, чтобы эта святая церковь защитила меня от податей и служб, которые я несу или должен нести». Отныне церковь должна платить фиску синону и другие (подробно перечисленные) подати, составляющие в общей сумме 2 номисмы, за все имущество Петра. Согласно договору, оставшаяся у Петра половина недвижимости — дом, часть церкви (очевидно, небольшой), пашня, оливковые деревья и виноградник — отныне находится у него лишь в пожизненном пользовании (если же он оставит детей — то в наследственном), что подтверждается особым актом катепана Михаила². Размер хозяйства Петра (которое в грамоте называется *ὕβστασις*) и размер налога свидетельствуют о том, что Петр был аллодистом крестьянского типа.

Важным обстоятельством, ускорившим обнищание свободных крестьян, были набеги сарацин, войны между византийцами, лангобардскими князьями и германскими императорами и пр. Наиболее опустошительными были набеги арабов из северной Африки и Сицилии. Встречая лишь слабое сопротивление сравнительно немногочисленных византийских войск и отрядов местных жителей, они периодически нападали на Апулию и в особенности на Калабрию, а также на неаполитанскую, гаэтанскую и соседние области, грабили, сжигали посевы, убивали и уводили в плен жителей деревень и захваченных ими областей. Анналы Бари и хроника Лупа Протоспафария сообщают каждые несколько лет о набегах арабов или битвах между византийскими и другими претендентами на южную Италию. Если даже крупные города — Бари, Тарент, Ориа — не раз захватывались в X в. сарацинами³, то тем сильнее страдали от их набегов лишенные средств защиты сельские местности. За короткий промежуток времени — с 986 по 1003 г. арабы пять раз нападали на Южную Италию.

Тяжело отразились на южной Италии также походы германских императоров. Салернитанская хроника рассказывает, что Оттон I, прибыв в 966 г. в Апулию, «сильно ее обобрал», а в следующем году, явившись в Калабрию, «сильнейшим образом разорил ее пожарами и грабежами». Несколько позднее, захватив в неаполитанской области скот, он снова «приказал подвергнуть грабежу всю Апулию»⁴. «Великий голод», о котором время от времени сообщают хроники, был в известной степени следствием непрерывных войн, значительного обезлюдения Южной Италии и наличия больших массивов заброшенных земель. О том, насколько сильно войны подрывали мелкое хозяйство, говорит грамота, составленная в период особенно частых арабских набегов и голода 992 г. Клирик Петр из Конверсано заявляет, что некогда, в период мира, когда он еще обладал состоянием, он дал каждому из своих двух старших сыновей по 10 солидов. Но теперь он состарился и наступили варварские времена, и поэтому у него не осталось средств, чтобы дать что-либо младшему сыну

¹ Barletta, № 6, p. 12—13; № 10, p. 25—26; Perg. di S. Nicola, № 13, p. 26—28.

² Perg. di S. Nicola, № 21, p. 43—46.

³ Lupus Protosp., p. 53—55.

⁴ Chronicum Salernitanum. MGH, SS, V, p. 554, p. 556.

Александрю. Он отдает сыну всю уцелевшую у него долю — четверть дома и «небольшую землицу», прилегающую к нему¹. Массовый увод в плен жителей нашел отражение в некоторых грамотах, в которых идет речь о выкупе из арабского плена колонов² или о передаче земли в аренду с условием возврата ее наследникам прежних попавших в плен арендаторов, если кто-либо из них вернется из Африки³. Иногда в арендных договорах предусматривается возможность междоусобиц и насильственных актов: владельцу земли дается право забрать ее обратно, если произойдут какие-либо раздоры между государствами и поэтому «мы (арендаторы) не осмелимся, пока не окончится это бедствие, обрабатывать земли»⁴, или если арендатор покинет землю «per oppressionem pars publica»⁵.

Крестьяне нередко подвергались прямому насилию со стороны крупных феодалов. Крестьянам далеко не всегда удавалось обратиться в суд с жалобой на насильственный захват у них земли, но тем не менее отдельные грамоты, свидетельствующие об этом, сохранились. Два крестьянина из деревни Ливиано обратились от имени всех своих родственников к герцогам Гаэты с жалобой на бывшего епископа Гаэты, который «посредством силы отнял [у нас] земли»⁶. Весьма интересная грамота 994 г. дает возможность проследить, как феодалы стремились подчинить своей власти свободных крестьян и заставить их нести повинность. Петр, Сергей и Цезарь, сыновья господина Григория Мундула, обещают игумену монастыря св. Теодора и Себастьяна впредь не предъявлять претензий на Стефана и его брата Риккула и никогда не требовать с них несения в какой-либо местности барщины, так как братья Стефан и Риккул являются людьми, коммендировавшимися монастырю (*defisi*)⁷. Следовательно, крестьяне, чтобы избавиться от требований светского феодала, вынуждены были стать под защиту монастыря и таким образом потеряли свою независимость.

Определенное значение в ходе закрепощения крестьянства сыграло принадлежавшее в византийскую эпоху отдельным крупным церковным и светским вотчинникам право суда над населением вотчины (за исключением высшей юрисдикции), которое было эффективным орудием внеэкономического принуждения, способствовавшим усилению и закреплению экономической власти феодала. Как подчеркивает К. Маркс, «... в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»⁸. Монастырь Монте-Кассино обладал правом судить не только сервов, но и лично свободных крестьян, живущих на его территории⁹. Мы видели, что право юрисдикции принадлежало также монастырю Волтурно по отношению к различным группам свободных крестьян, поселившихся на его землях (не говоря о крепостных). Однако следует отметить, что оформление права суда в виде иммунитетной привилегии происходило очень редко и лишь в конце исследуемого периода, ибо византийское правительство, опасаясь чрезмерного ослабления влияния империи, крайне скупое, лишь в виде исключения, раздавало грамоты, предоставляющие феодалам судебный иммунитет. Так, в 1046 г. катепан Италии дал Византию, в благодарность за проявленную им верность, обширные

¹ Chart. Sup., № 28, p. 63—64.

² Cod. Caiet., I, № 13, p. 23—24.

³ Ibid., № 15, p. 25—26.

⁴ Cava, III, № 467, p. 11—12.

⁵ Ibid., № 503, p. 65—67.

⁶ Cod. Caiet., II, № 195, p. 1—2.

⁷ Neap. arch., III, № 233, p. 130.

⁸ К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1951, стр. 339.

⁹ Gattola. Ad historiam abbatiae Cassinensis accessiones. Venezia, 1734, p. 63—64, 81—82, 123—124.

владения и различные привилегии, в том числе право судить по лангобардскому праву всех жителей уступленной ему территории, за исключением лиц, совершивших убийство и подлежавших суду «наших императоров и нашему, его слуг»¹. Таким образом, иммунитет был неполным (без права высшей юрисдикции).

Не только наделы крестьян, составлявшие их аллод, но и общинные угодья подвергались расхищению и превращались в феодальную собственность. Их захватывали непосредственно отдельные феодалы, а также носители государственной власти — герцоги Неаполя и Гаэты, представители византийского императора, графы отдельных полунезависимых областей, которые объявляли эти угодья публичными, а затем частично передавали их особыми актами крупным землевладельцам. В качестве примера можно указать на усиленную раздачу в X—XI вв. герцогами Гаэты и графами Трайетто вотчинникам государственных земель (*terrae de nostro publico*) — лесов, пастбищ и пр., которые прежде являлись землями городских и сельских общин². Эти угодья попрежнему предоставлялись в пользование крестьян, но с условием уплаты многочисленных поборов — за выпас скота, сбор хвороста, пользование водой и т. д. Однако крестьянским общинам благодаря упорному сопротивлению удалось отстоять часть общинных земель.

Процесс закрепощения крестьянства Южной Италии протекал в условиях ожесточенной классовой борьбы между крестьянами и феодалами, которая составляет основную черту феодального строя. Крестьянское сопротивление, принимавшее многообразные формы, замалчивается большинством тенденциозных средневековых хронистов, однако некоторые сохранившиеся до нашего времени акты позволяют судить о степени его стойкости. Хроника Волтурно содержит целую группу такого рода актов. Первый из них относится к 779 г. В этом году крестьяне деревни Карапелла вторглись во владения монастыря Волтурно — Кастелло и Вальдо Роборе (т. е., повидимому, начали их пахать и засеивать). Одновременно с ними 8 крестьян из деревни Терратика захватили лес в Колле Бониоли и равнину св. Панкратия, а «виланы, которые обычно в усадьбе [монастыря] несли барщину со своими топорами», прекратили работу. В волнениях приняли участие также «люди» деревни Виллатиачиа, отказавшиеся платить повинности (в частности — побор за имевшиеся у некоторых крестьян мельницы). Монастырь передал дело о выступлении крестьян в суд. Когда вызванных в курию крестьян спросили, почему они вторглись в монастырские земли, общинники ответили, что эти земли принадлежат им. Суд приговорил членов общины Карапелла к возврату захваченных угодий и к штрафу. Решение, касающееся крестьян, отказавшихся платить ренту, гласило: «Мы провозглашаем, чтобы они несли впредь, без всякого промедления, те повинности (*terraticum*), платежи и барщину (*magisterium*) в усадьбе Трита, которые они несли издавна»³. Следовательно, налицо попытка крестьян вернуть захваченные у них аббатством земли и освободиться от повинностей, взимаемых с них сеньером, лишившим их самостоятельности. Крестьяне продолжали свою борьбу с монастырем. В 831 г. аббат Епифан обратился к Людовику Благочестивому с просьбой подтвердить решение суда по поводу тех же жителей усадьбы Трита (они уже

¹ Perg. di S. Nicola, № 32, p. 67—68.

² Cod. Caiet., I, № 41, p. 68—69; № 44, p. 72—74; № 55, p. 103—105; № 78, p. 144—146; № 135, p. 259—261; № 137, p. 263—264; № 157, p. 308—310; № 185, p. 365—366; II, № 218, p. 48—50. Cp. Cava, I, № 202, p. 260—261.

³ Chron. Vult., p. 363—364.

называются сервами), которые «пытались уклониться от следуемых с них служб, якобы по указанию герцогов». Людовик издал особый акт с поименным перечислением жителей всех 24 домов Трита, которых должностные лица монастыря должны призвать к несению прежних сервильных повинностей. За монастырем подтверждается право беспрепятственно, без сопротивления со стороны кого-либо из этих людей, владеть и распоряжаться ими на пользу монастыря¹. 23 года спустя — в 854 г. — аббат снова подает в суд жалобу на то, что 10 крестьян из деревни Оффена (долина Триты), которые «всегда были сервами св. Виченция, теперь, по неизвестной причине, уклоняются от этого служения». Крестьяне заявили, что ни они, ни их родители не были сервами, но всегда были свободными, и лишь коммендировались монастырю, чтобы получить защиту. Свидетели (может быть, под давлением) дали показания, что эти люди, как и их родители, всегда были сервами, несли барщину, подчинялись препозиту монастыря, который мог принуждать их, заковывал провинившихся в кандалы и обращался с ними, как с сервами. Суд отдал крестьян под власть монастыря². Разумеется, то обстоятельство, что эти крестьяне, возможно, уже ранее были превращены в сервов, не снижает значения их упорной борьбы за свободу, которую не могли прекратить даже неоднократные обращения аббата за помощью к франкским императорам и суду лангобардских князей. В 872 г. могущественный монастырь опять обращается к прибывшему в Южную Италию императору Людовику II с жалобой на то, что «дурные и нечестивые люди» побудили сервов и других зависимых от монастыря людей (*obligati*) отказаться от исполнения своих обязанностей. Людовик приказал своим агентам расследовать дело, но их постигла неудача. Они извещают Людовика о том, что ни приказами, ни путем применения силы они не могли заставить сервов явиться на суд. Судебное заседание было созвано вторично. На этот раз крестьянам более 10 деревень Тританской долины (среди них — селения Оффена) заявили, что, в случае их неявки на суд, они и их семьи будут схвачены и насильственно принуждены к несению повинностей монастырю Волтурно. Под действием этих угроз крестьяне (часть которых — 19 человек — поименно перечислены в грамоте) явились, но продолжали настаивать на том, что они, как их отцы и матери, — свободные люди. Суд заставил их признать себя крепостными и вынес решение принудить сервов к подчинению монастырю³. Вероятно, в связи с этим, с целью закрепления их зависимости, в том же году был составлен список всех сервов Волтурно⁴. И в дальнейшем монастырю не удавалось собственными силами сломить сопротивление крепостных. Аббат Павел принес в 972 г. Оттону I новую жалобу на то, что крепостные (*famuli*) отказываются служить монастырю. Они обращаются в бегство или прибегают к хитрости: подкупают свидетелей, чтобы те дали показания об их свободном состоянии. Оттон под угрозой штрафа в 100 фунтов золота запрещает давать такого рода ложные показания. Оказывая активную помощь монастырю в подавлении этого движения, Оттон издает следующее распоряжение: в любом месте, где будут найдены беглые крепостные св. Виченция, они должны быть приведены к маркграфам, епископам, графам и судьям, чтобы те немедленно надлежащим образом расправились с ними (*statim sint disrupti, caesi diffusi atque confracti*)⁵.

¹ Chron. Vult., p. 386.

² Ibid., p. 398—399.

³ Ibid., p. 396—397.

⁴ Ibid., p. 397—398.

⁵ Ibid., p. 440.

Борьба, происходившая на протяжении нескольких столетий между крупнейшей вотчиной Волтурно и зависимыми от нее крестьянами, охватывала значительную территорию. Выступление 981 г. имело место в Марсиканской области и было направлено против монастыря св. Марии, подчиненного аббатству Волтурно. Крестьяне этой области захватили земли монастыря и трижды отказывались явиться на суд, созданный по настоянию аббата Волтурно. Поэтому судьи, посланные Оттоном II, заочно издадут решение о том, что эти земли принадлежат монастырям св. Марии и св. Винченция. От крестьян, под угрозой штрафа в 100 византийских солидов, они потребовали отказа от притязаний на эти угодья¹.

Грамоты области Гаэты также сохранили известия о напряженной борьбе между эксплуататорами и эксплуатируемыми. И здесь, благодаря марке, крестьяне получили «локальную сплоченность и средство к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...»². Так, в 936 г. вся община деревни Логреццано, состоявшая из колонов (*masarini*, т. е. *massarini*), зависимых от епископа Гаэты, участвует в тяжбе с гаэтанскими герцогами Доцибилисом и Иоанном. Очевидно, герцоги пытались захватить часть крестьянских земель. Члены общины добились от герцогов грамоты, в которой, со слов крестьян, были зафиксированы границы владений, принадлежащих деревне. Доцибилис и Иоанн дали гарантию, что они никогда не будут возбуждать каких-либо исков по поводу этой земли³.

Чрезвычайно интересно сообщение источников о широком движении крепостных крестьян гаэтанского епископства в 999 г. Движение началось с выступления братьев Иоанна и Анатолия, заявивших от лица своих родственников, что они являются не сервами, а свободными людьми. Немедленно вслед за этим все сервы епископства, воспользовавшись затруднительным положением епископа Бернарда (брат которого — герцог Гаэты Иоанн потерпел поражение в борьбе с Оттоном III), объявили, что они также являются свободными людьми, и прекратили повиноваться приказаниям сеньера. Убедившись в том, что он не в состоянии собственными силами справиться с движением и подчинить крепостных, Бернард обратился с просьбой о вмешательстве к Оттону. Император послал на юг в качестве своего посланца капеллана Ноттикерка, которому удалось вновь поставить сервов областей Гаэты, Трайетто и Ардженто под власть епископа. Иоанн и Анатолий уплатили большой выкуп за освобождение своей семьи⁴.

Община возглавляла борьбу крестьян за сохранение свободы. В 1039 г. крестьяне из Кастелло де Фракто самовольно запахали и засеяли земли своей деревни, повидимому незадолго до этого времени подчиненной монастырем Монте-Кассино. Этот акт означал, что крестьяне отказывались признать свое подчинение. С целью оказать давление на общинников аббат захватил их скот и заявил явившимся к нему крестьянам, что взял его в залог, так как они без разрешения засеяли монастырские земли. Крестьяне, во главе с судьей общины, нотариусом и пресвитером, обратились в суд с иском против Монте-Кассино. Суд вынес решение в пользу монастыря и заставил крестьян поручиться, что они будут впредь платить чинш в размере седьмой части урожая за все, что посеют. Однако монастырь опасался вооруженных выступлений крестьян, ибо общинники могли

¹ Chron. Vult., p. 465—466.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 162.

³ Cod. Calet., I, № 39, p. 66—67.

⁴ Ibid., № 100, p. 188—191.

воспользоваться усобицами между графами Трайетто и Монте-Кассино; поэтому аббат добился обещания от крестьян, что они не окажут помощи графам и не совершат никаких действий, направленных во вред монастырю. В случае нарушения ими этого обязательства аббат получал право взять в залог их имущество, захватить самих крестьян и не отпускать их до тех пор, пока они не дадут удовлетворения¹.

Такого рода движения, бесспорно, оказали влияние на процесс феодализации, способствуя сохранению прослойки свободных крестьян и многочисленных категорий полусвободных, фиксации феодальной ренты на определенном уровне (т. е. возникновению обычая), сохранению у марки части общинных угодий.

Сильный налоговый гнет и притеснение населения византийскими должностными лицами, эксплуатация константинопольскими императорами итальянских фем вызывали широкое народное возмущение.

О крупном восстании, направленном против византийского господства, рассказывает хроника псевдо-Симеона. В 887 г. подняла мятеж фема Лангобардия. Лев VI был вынужден послать против восставших большую армию, которая, однако, была полностью разбита². Лишь около 888 г. византийским войскам удалось снова овладеть Апулией. Это восстание было возглавлено беневентским герцогом и лангобардской знатью, опасавшимися подчинения Византии. Но, вероятно, народные массы также приняли участие в движении. Источники, относящиеся к этому времени, пишут: «В своей ненависти [к византийцам] почти все земледельцы (cultores) Апулии, Самниума, Лукании и Кампании устраивали заговоры»³. Следующее крупное восстание, вспыхнувшее около 920 г.⁴, также носило характер активного выступления народных масс Южной Италии; возможно, что на второй стадии движения они выступили и против итальянских магнатов, отшатнувшихся от движения и принявших сторону Византии⁵.

В 946 г. началась новая волна антивизантийских выступлений. К этому году относятся указания хроники Лупа Протоспафария на резню (homicidium) в Бари, в следующем году Конверсано был осажден неким Платоподием, в 950 г. греки осадили Асколи⁶. Более важные сведения сообщает об этом восстании продолжатель Феофана⁷, который пишет, что «провинции Запада подняли восстание и хотели сбросить иго императора». Восставшие в Лангобардии и Калабрии преисполнились уверенности в успехе по той причине, что они находились далеко от столицы базилиев. По словам хрониста, они дошли до такой дерзости, что собирались заключить мир с сарацинами. Неаполитанцы также открыто отпали от империи. Константин Багрянородный послал в 955 г. войска из Фракии и Македонии во главе с патриkiem Марином Аргиром (стратигом итальянских фем). Марину удалось подавить восстание апулийцев и калабрийцев. Осажденный Неаполь также вынужден был признать верховную власть императора.

Непосильное бремя византийской податной системы вызвало около 965 г. восстание г. Россано (Калабрия). Автор жития Нила рассказывает, как в фемы Италию и Калабрию был послан из Византии магистр

¹ Cod. Caiet., I, № 171, p. 340—342.

² Theoph. Cont., p. 701.

³ Catalogus regum langobardarum et ducum Beneventorum. MGH, SRL, p. 495—497.

⁴ См. Lupus Protosp., p. 53, а также письма Ландольфа и апулийской знати константинопольскому патриарху Николаю Мистику — PG, t. CXI, col. 282—289.

⁵ См. А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. ВВ, т. V, 1952, стр. 88—89.

⁶ Lupus Protosp., p. 54.

⁷ Theoph. Cont., p. 453—454.

Никифор, возложивший на отдельные города Калабрии повинность постройки военных кораблей (хеландий) для защиты от набегов сарацин (а также, повидимому, обязанность снабжения их экипажами). Жители Росано, возмущенные новой тяжелой повинностью, подняли мятеж, сожгли уже построенные корабли, убили префектов кораблей и намеревались открыто отпасть от империи. Явившийся в город Нил, пытаясь спасти жителей от расправы, заявил Никифору, что в мятеже участвовал весь народ. На город была наложена контрибуция в размере 500 номисм¹.

В 987 г. происходили волнения в Бари, в 997—1000 гг. в Ориа². Наиболее широкий размах приняло восстание начала XI в.³ Толчком к нему послужила чрезвычайной суровой зима 1009 г., во время которой (по словам хронистов) погибли все оливы, рыбы и птицы Южной Италии⁴. О причинах восстания хронист Лев из Остии пишет: «Апулийцы подняли восстание потому, что они не могли более выносить гордость и бесчинство греков»⁵. Выступление представителей лангобардской знати — Мело и его родственника Датто в Бари (май 1009 г.), первоначально поддержанное жителями Бари, вскоре распространилось на всю Апулию. Повидимому, в движении участвовали не только Бари, Трани, Асколи и другие города, но и крестьяне (в частности, активно выступившие местные воины — *contogati* — являлись в значительной степени мелкими свободными землевладельцами). Поэтому находившимся в это время в Южной Италии византийским войскам не удалось справиться с движением. В марте 1010 г. прибыл с войсками новый катепан Василий Аргир, который после двухмесячной осады взял Бари. Мело бежал в Беневент и затем в Германию. Вернувшись в 1017 г. с войском, часть которого составляли впервые выступившие в Южной Италии в качестве воинов норманны. Мело нанес ряд поражений катепану Торнекию и в короткое время, пользуясь деятельной поддержкой населения, вновь овладел большей частью Апулии. Лишь в октябре 1018 г. новому катепану — Василию Бояну (*Voianus*), прибывшему в Италию с большой армией, удалось разбить у Канн войско Мело и подавить восстание. Народные движения следующего периода, направленные против новых завоевателей Южной Италии — норманнов, отнюдь не имели своей целью сохранение византийского господства.

* * *

В IX, X и первой половине XI вв. византийские области Южной Италии находились на ранней ступени формирования феодального способа производства. К этому периоду относится завершение процесса превращения домашней общины в соседскую; происходили в массовом масштабе разделы семейной собственности, выделившиеся индивидуальные участки обносились изгородями. Тем не менее лангобардская община византийской эпохи еще сохранила некоторые пережитки более архаичных отношений, которые также не были изжиты в среде греческих и армянских поселенцев, осевших в некоторых местностях Южной Италии. По мере поглощения свободной деревни вотчиной в составе общины начинают преобладать крепостные и зависимые крестьяне. В последующий период грамоты раздела

¹ PG, t. CXX, col. 106—107.

² Lupus Protosp., p. 56.

³ Annales Baresnes, p. 53; Lupus Protosp., p. 57. Cp. G. Schlumberger. L'Épopée Byzantine à la fin du dixième siècle, vol. II, 1900, p. 542—546, 560—571. F. Chalandon. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile, vol. I, p. 1907, p. 42—58.

⁴ Lupus Protosp., p. 56—57; Annales Beneventani, MGH, SS, III, p. 177.

⁵ Chron. Cassin, p. 37.

постепенно исчезают из источников, архаичные черты общины сглаживаются, она окончательно меняет свой облик.

Характерной чертой южноитальянской общины является отсутствие принудительного севооборота и системы открытых полей, связанное с особенностями хозяйства в этих областях. Если в начале исследуемого периода количество рабов было сравнительно большим, то в дальнейшем оно постепенно уменьшалось: в норманнскую эпоху упоминания о рабах значительно реже встречаются в источниках. К XI в. рабство утратило производственное значение. Главным путем превращения рабов в крепостных крестьян (сервов) было поселение их на земле господина без предварительного акта освобождения. Сервы — по происхождению бывшие рабы или свободные крестьяне — были прикреплены к земле и несли отработочную, продуктовую, а иногда и денежную ренту. Наряду с крепостными на земле феодала сидели различные категории полусвободного крестьянства. Сервы и ливеллярии несли главным образом ренту продуктами. Если у сервов барщина была обычной, хотя и не особенно большой повинностью, то у ливелляриев и других близких к ним категорий крестьянства барщина, судя по сохранившимся договорам, далеко не всегда являлась необходимой составной частью системы феодальных поборов (а во многих случаях ограничивалась подводной повинностью). Денежная рента еще не стала ведущей формой присвоения прибавочного труда крестьян. Преваляровавшая в византийский период рента продуктами выражалась в виде определенной доли урожая (до половины) или твердо установленного количества различных сельскохозяйственных продуктов.

Данные многочисленных ливеллярных договоров с отдельными арендаторами крестьянского типа и договоров с крестьянскими общинами, предусматривающие не только фиксацию ренты, но и признание феодалом различных прав держателей, иногда даже права покинуть вотчину, говорят о том, что большая часть крестьянства еще находилась на стадии постепенной утраты своей свободы, и процесс феодализации проходил медленно. Имелась также значительная прослойка свободных крестьян — аллодистов. Их участие в поземельных сделках отчетливо выявляется большей частью лишь в тот момент, когда эти сделки означают их разорение, ибо последнее обстоятельство нередко отмечается грамотами. Однако часть мелких собственников крестьянского типа сохранила свою землю в этот период, так как мы встречаем их еще в актах следующей эпохи. Следовательно, формирование зависимого крестьянства как класса еще не получило своего завершения в IX—XI вв.

Складывание феодального строя представляло собой необходимый, действующий независимо от воли людей экономический процесс. Мелкое самостоятельное индивидуальное хозяйство, выделившееся из общины и лишленное поддержки рода или большой семьи, было весьма неустойчивым вследствие сравнительно низкого уровня развития производственных сил. Поглощение основной массы этих хозяйств формирующейся вотчиной было неизбежным. Поэтому насилие, которое нередко применялось феодалами по отношению к крестьянам и могло быть скрытой от исследователя причиной составления многих актов продажи или дарения земли, являлось лишь фактором, способствовавшим ускорению утраты крестьянами своих наделов и роста феодальной собственности. Итак, насилие играло подчиненную роль в процессе обезземеления крестьян и сопутствующего ему создания отношений их зависимости от феодала. Некоторые пути обезземеления свободных крестьян и их превращения в феодально-зависимых были в Южной Италии весьма своеобразны. Это обстоятельство в определенной степени объясняется наличием в Южной

Италии довольно развитой торговли, в которую было втянуто крестьянское хозяйство (участие крестьян в многочисленных сделках купли-продажи; займы, к которым они были вынуждены прибегать). «Товарное производство... существовало при феодализме и обслуживало его...»¹. В период становления феодальных отношений оно способствовало мобилизации земельной собственности, а следовательно обезземелению непосредственных производителей, которые, таким образом, должны были осесть на территории вотчинника и в конечном итоге стать зависимыми от него людьми. Сравнительно небольшое количество прекарных грамот и широкое распространение арендных договоров, а также частые упоминания о пришлых крестьянах, селившихся без договора на земле феодала, показывают, что крестьяне, утратив свои наделы, большей частью становились держателями не этих наделов, захваченных вотчинником, а чужой земли, зачастую в иной местности.

В обстановке развития товарно-денежных отношений в недрах только что возникшей соседской общины с пахотной землей, превратившейся в аллод, растет социальное расслоение. Выделяется слой зажиточных крестьян, которые скупают земли односельчан и на определенном этапе превращаются в мелких вотчинников. Одновременно усиливается натиск на обедневшую основную массу рядовых общинников извне — со стороны крупных и средних феодалов. Создавшиеся отношения господства и подчинения укреплялись посредством внеэкономического принуждения (наличие в руках некоторых крупных — прежде всего церковных — феодалов права средней юрисдикции, иногда в начале XI в. получавшего юридическое оформление в виде иммунитетных грамот, податной иммунитет и т. д.). Хищническая политика Византии в Южной Италии еще более усиливала обнищание мелких аллодистов и облегчала подчинение их власти феодалов.

Процесс развития феодальных отношений протекал в обстановке напряженной классовой борьбы между крестьянами и феодалами. Спротивление крестьян, сплоченных в сильные общины, было одной из причин сохранения в Южной Италии слоя свободного крестьянства и наличия обширных групп крестьян, полусвободный статус которых охранялся договорами. В частности, установление определенного размера повинностей в этих договорах и отсутствие у феодала права их повышать было в известной степени следствием борьбы крестьян. Классовая борьба крестьян была одним из факторов, обусловивших медленные темпы роста феодализма.

Борьба крестьян принимала разнообразные формы и время от времени перерастала в вооруженные столкновения с феодалами. Народные массы принимали также широкое участие в крупнейших восстаниях в Апулии и Калабрии, направленных против гнета (в частности, податного) Византийского государства.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 15.